

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

56

МЮНХЕН 1990

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Протоиерей Д. Константинов. Воскресения День	1
В. Пирожкова. Год перемен	2
Интервью Д. М. Балашова	6
Протоиерей Д. Константинов. Голос из Иркутска	7
В. Рудинский. Фурий и Аврелий	9
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	11
А. Шифрин. Спектакль: "Гласность и Перестройка"	17
В. Пирожкова. Потерянное поколение	21
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	30
Д. Штурман. О национальных фобиях	37
Н. Воейков. Домик Александра III в Финляндии	43
Протоиерей Д. Константинов. Письма оптинского старца Макария	44
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	45
ИНФОРМАЦИЯ	46

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№56

Март 1990

Мюнхен

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ВОСКРЕСЕНИЯ ДЕНЬ

Особенно торжественно Святую Пасху празднуют на Востоке. День Светлого Христова Воскресения — кульминационный пункт литургической жизни Православной Церкви. Христос Воскресе! — под этим благовестием проходит вся жизнь Церкви, достигая своей духовной вершины в радостные пасхальные дни. Можно было бы назвать православие “пасхальным христианством”, настолько сконцентрирована его духовно-литургическая жизнь вокруг Воскресения Спасителя.

На Западе духовной вершиной молитвенной жизни является Рождество Христово. Все мы знаем, как торжественно и радостно встречает Запад рождественский праздник, и на фоне этого торжества Святая Пасха как бы отходит на второй план. Во многих западных странах этот день проходит незаметно.

И в этом усматривается промыслительная “не случайность”. Восток в первую очередь празднует победу над смертью, данную нам в Воскресении Спасителя, Запад в первую очередь сосредоточивает свое внимание на боговоплощении, законно усматривая в нем начало нашего спасения. И то и другое велико и страшно есть и подлежит встречать великим духовным торжеством. Но промыслительность такого положения заключается и в том, что Восток и Запад поочередно восходят на духовные вершины христианства, сосредоточивая все свои духовные силы на торжественном праздновании двух величайших религиозных и исторических событий — на Рождестве и Воскресении. Такова историческая и духовная реальность, говорящая нам о различиях веры и духовной психологии Востока и Запада.

“Воскресение Христово видевше...” — поют в православных храмах. На самом деле, с точки зрения земного плотского человека, его никто не видел. В свое время приснопамятный московский митрополит Филарет так высказался по поводу этого. “Никто из живущих в теле не видал Воскресения Христова в то тайное мгновение ночи или глубокого утра, когда оно совершилось. Так было, может быть, по самому свойству сего действия, в котором и видимое Христово

тело, преобразуясь в духовное и прославленное, выступало за пределы мира видимого... Так устроено было, вероятно, и потому, что еще не созрела вера для сего высокого созерцания: ибо явление небесное и Божественное для приготовленного к нему верою, чистотою, боголюбием, смирением есть свет просвещающий и животворящий, а для неприготовленного и неочищенного есть молния поражающая. Так устроено было, вероятно, и для того, чтобы дать место возвышенному подвигу веры и высшему за него воздаянию по суду Христову: “Блажени не видевшие и веровавшие”.

Как повествует св. Евангелие, первую весть о Воскресении Господа получили св. мироносицы, пришедшие ко гробу. Явление ангела, отвалившего камень от входа во гроб, сопровождалось сильным землетрясением, от которого, собственно, и бежала стража, поставленная первосвященниками иудейскими. Воины тоже явились как бы невольными свидетелями Воскресения Христова. Пришедшие ко гробу мироносицы нашли камень отваленным от гроба, а в самом гробе никого не нашли. По верованию Церкви, прежде всех людей о Воскресении Христа была особо извещена Богородица и именно в ту самую минуту, когда Он воскрес. По мнению богословов, это было необходимо, так как спасительная тайна Воскресения должна была быть принята людьми с живою и твердою верою, с глубоким разумением силы ее, с неизглаженной радостью. Но кто мог быть лучше всего готовым к принятию и передаче тайны Воскресения Христова, кроме Пресвятой Девы? Кто мог лучше вразумить апостолов и учеников Господа, не сразу поверивших в Его Воскресение, как не Пресвятая Богородица? И эти факты церковного предания наиболее ярко вписываются в двухтысячелетнюю борьбу Церкви за Истину и ее противников, борющихся против нее. Но Истина побеждает и побеждала в веках уже неоднократно, а сейчас она побеждает на наших глазах. Господь сподобил нас, современных христиан, снова быть свидетелями Воскресения Господа, снова свидетельствовать побе-

доносную Истину Воскресения, снова прийти ранним утром к живоносному гробу и свидетельствовать Его божественное Воскресение. Недаром преподобный Серафим Саровский предсказывал, что наступит день, когда среди лета в России запоют "Христос воскрес!..."

Вера в Воскресение Христова непобедима, потому что она истинна. Ее истинность доказывается всей историей христианской Церкви, свидетельствующей о ее несокрушимой силе. Кто смог сокрушить веру в Воскресшего? Никто. А те, кто пытались, принуждены были признать свое поражение. Так обстоит дело к началу третьего тысячелетия христианства. Иного нам не дано и дано не будет...

Праздник Воскресения Христова называется также Пасхой по имени ветхозаветного праздника, установленного в память избавления евреев от египетского рабства. Наименование Пасха в новозаветной Церкви получило особый, новый смысл и стало свидетельствовать прехождение от смерти к жизни, от земли на небо. Св. Амвросий Медиоланский, говоря о Пасхе, отмечает, что Пасха в Церкви новозаветной знаменует то, что "Сам Сын Божий, чрез Воскресение из мертвых,

прешел от мира сего к Отцу Небесному, от земли на небо, свободив и нас от вечной смерти и работы вражия и даровав нам область чадами Божиими быти".

Пасха — праздник необычайной духовной радости. В этом смысле он является праздником праздников и торжеством торжеств. Но духовный смысл и радость этого праздника открывается только тем, кто приходит к нему с верой в Сына Божия, пришедшего в мир для спасения людей и воскресшего из мертвых две тысячи лет назад. Без этой веры праздник Воскресения Христова теряет всякий смысл, всякое значение. Поэтому те, кто подходят к этому празднику чисто рационалистически и лишь ищут корни его происхождения и его "мифическую сущность", ничего не могут понять в нем. Им остается только удивляться, а иногда и ужасаться его неодолимой силе, которая вопреки их ожиданиям оказалась в нем, свидетельствуя о его Божественном происхождении. Благий Промысл привел нас сейчас свидетельствовать о пасхальной извечной победе на нашей родине, сподобил нас с особым значением и особой радостью произнести самое великое непобедимое в мире приветствие: "Христос Воскресе — Воистину Воскресе!".

В. ПИРОЖКОВА

ГОД ПЕРЕМЕН

Прошедший 1989 г. был годом больших перемен. Ни одна страна Восточной Европы не выглядит сейчас так, как она выглядела в начале прошедшего года.

Во всех восточноевропейских странах, кроме Румынии, старые "железобетонные" коммунисты ушли добровольно. Нужно предполагать, что было указание из Москвы, которому они не сопротивлялись. Только в Румынии независимый от Москвы диктатор Чаушеску не хотел отдать свою власть. В Румынии произошло кровопролитие, носившее отчасти ужасные черты, расстрел детей, шедших с песнями к церкви, и даже совсем непричастных, вышедших как раз из помещения кукольного театра, где они смотрели детское представление. Секуритате показала себя достойной своего жестокого вождя. Чаушеску и его жена были быстренько расстреляны без суда и следствия, видимо, из опасения, что они смогли бы на суде слишком много рассказать о взявших после них в свои руки власть. Все новые властители были в прошлом сотрудниками Чаушеску.

Власть пока перешла повсюду в руки тех же коммунистов, но они, по сравнению с ушедшими в отставку или из жизни старыми коммунистами, более или менее либеральны. Там, где уже старые коммунисты не были

такими страшными диктаторами, как тот же Чаушеску, там и сейчас наследники наиболее либеральны. В некоторых странах они себя уже переименовали, их партия не называется больше коммунистической или единой социалистической партией, как это было в Восточной Германии, но социалистической, как в Венгрии и Польше, или партией демократического социализма, как в Восточной Германии.

В Польше президент Ярузельский оказался вдруг беспартийным, т. к. он не хотел стать членом переименованной партии. Изменила ли формальная беспартийность его коммунистическую сущность? Или он и в прошлом был коммунистом лишь ради власти? Кто может знать это точно?

Исключение в этом смысле представляет собой Чехословакия, где президентом стал оппозиционер писатель Вацлав Гавель. Между тем, в Чехословакии правили как раз "железобетонные" коммунисты. Они ушли со сцены быстро и без всякого сопротивления, а на их место во главе государства стал некоммунист. Из этой же страны Москва начала прежде всего выводить войска. Правда, они были среди населения особенно нелюбимы, они даже формально не были союзными, а просто оккупационными войсками,

занявшими страну в 1968 г. Как известно, Чехословакия была до тех пор единственной коммунистической страной, в которой не стояли советские войска. Для Москвы уход войск не только политическая проблема: возвращающиеся войска просто некуда девать. Для них и их семей нет квартир, даже офицерским семьям, возможно, придется жить некоторое время в бараках. Последние солдаты уйдут из Чехословакии (таков договор) только в будущем году, хотя чехи и словаки хотели бы, чтобы они ушли уже в этом году.

Во всех восточноевропейских странах должны пройти в 1990 году выборы. Когда этот номер журнала выйдет в свет, в некоторых странах эти выборы уже произойдут, и их результаты будут известны. Повсюду созданы другие партии, так что можно уже говорить о многопартийной системе. Хуже всего в этом отношении в Румынии. Там правящие коммунисты с помощью новой тайной полиции, созданной из членов той же секуритате, застраивают другие партии. До захвата власти коммунистами в Румынии самой сильной была Христианская крестьянская партия, и теперь она снова организовалась. Так подзуженные Илиеску коммунисты и их сообщники, а то и просто хулиганы разгромили бюро этой партии, ее лидер спасся тем, что выскочил в окно с задней стороны дома. Будут ли в Румынии возможны хоть сколько-нибудь свободные выборы, покажет будущее. Состояться они должны в мае.

Особое место среди восточноевропейских стран занимает ГДР. Существование свободной и богатой западной Германской республики — это и помощь, и затруднение для властей ГДР. Министр-президент Ганс Модров приехал в Бонн с требованием немедленной помощи в размере 15 миллиардов марок. Коль ему отказал. Канцлер справедливо ответил, что валить миллиарды в никуда не годное плановое социалистическое хозяйство. Западная Германия не намерена. Сначала должна быть изменена хозяйственная система, введено рыночное хозяйство, только тогда имеет смысл помогать, но тогда найдутся сразу предприниматели, которые инвестируют в предприятия в Восточной Германии достаточно денег. В качестве первого шага Западная Германия предлагает валютный союз. Деньги должны быть уравниены. Конечно, это вызвало сомнения и неуверенность среди населения ГДР. Как будет обстоять дело с их сбережениями? Будут ли они обменены на западную марку один на один или потеряют свою ценность? Все это должно быть еще обсуждено и урегулировано.

Между тем, бегство продолжается. Каждую минуту из Восточной Германии в Западную переходят в среднем два человека. Но тип

переходящих изменился. Если летом и осенью бежали семьи с малыми детьми, бежали специалисты и квалифицированные рабочие, то теперь приходят больше одинокие мужчины и среди них немало уголовников, только что выпущенных из тюрьмы, наркоманов или алкоголиков. В Западной Германии их уже некуда помещать, а некоторые из них пробуют терроризировать других беженцев, помещенных в тех же бараках. Но многие семьи в ГДР "сидят на чемоданах" и готовы сорваться с места, если не будет решительных перемен, прежде всего в хозяйстве. Из-за беспокойства среди населения первые свободные выборы, назначенные сначала на 6 мая, были перенесены на 18 марта. Сначала это было воспринято как заговор социалистов, т. к. несоциалистическим партиям гораздо труднее организоваться, чем социалистам. Социал-демократы в ГДР имеют то преимущество, что они не были блоковой партией, т. е. они все эти 45 лет в ГДР не существовали совсем: часть из них слилась с коммунистами в единую социалистическую партию, другая же прозябала в подполье. Между тем христианские демократы, либералы и националисты существовали как молчаливый придаток коммунистов, они были отдельными партиями, но входили в блок с единой социалистической партией и всегда голосовали вместе с ней. На них лежит клеймо коллаборации, тогда как социал-демократы кажутся героями. Между тем, сейчас идет обратное воссоединение социалистов: в новую социал-демократическую партию вливаются многие коммунисты. Лидер социал-демократов со странным сочетанием немецкой фамилии и арабского имени, Ибрагим Беме, сам был в молодые годы коммунистом. Совсем новым несоциалистическим партиям, не запятанным участием в блоке, очень трудно показать избирателям свой профиль в такой короткий срок. Поэтому перенос дня выборов на 18 марта был воспринят как социалистический заговор, но канцлер Коль одобрил этот перенос, т. к. он несколько затормозил бегство в Западную Германию, очень многие не хотели ждать до 6 мая. А в остановке бегства заинтересованы как Восточная, так и Западная Германия. Три несоциалистических партии объединились теперь для подготовки выборов: христианские демократы Восточной Германии, новая партия Немецкий социальный союз, поддерживаемый Христианско-социальным союзом Баварии, и группа, называющая себя Демократический подъем. Эту коалицию поддерживают ХДС и ХСС Западной Германии. Свободная демократическая партия поддерживает либералов. От всех партий политики ездят из Западной Германии в Восточную и принимают участие в предвыборной кампании. Социал-демократы Западной Германии совершили поворот на

180 градусов. Еще в ноябре 1989 г. они отвергали объединение Германии, теперь же старый Брандт разъезжает по ГДР и провозглашает, что срастается то, что должно срастись. Против объединения теперь только одни зеленые, с той и с другой стороны. Против объединения, конечно, и бывшие коммунисты, ныне партия демократического социализма. Модров попытался было восстановить немецкое ГБ, носящее там название "Стази" (полное название Staats sicherheit, т.е. государственная безопасность), под видом защиты конституции, но это не прошло. Стази, однако, консолидируется в подполье и ждет своего часа. Военные же национальной армии ГДР стремятся в западногерманскую армию. С Востока есть даже предложения полного слияния.

Гораздо более популярный на Востоке, чем на Западе, канцлер Коль сказал оптимистично, что, может быть, вместо назначенных на 6 декабря этого года выборов в западногерманский бундестаг будут уже общегерманские выборы в общегерманский парламент в Берлине, который, по мнению подавляющего большинства немцев, должен стать главным городом воссоединенной Германии. Все это хорошо, но проблема упирается в международный статус будущей единой Германии. Я уже писала об этом в статье "Воссоединение Германии?" в № 55. Как я предполагала, Москва требует нейтрализации объединенной Германии. Когда Коль был в Москве, он вынес впечатление, что Горбачев отошел от требования нейтрализации, но его советник Катушев сказал тогда, что если слова "нейтральная Германия" звучат нехорошо, то он скажет (он говорил по-немецки) "bündnisfrei", что означает "свободная от союзов", иными словами нейтральная. Почему чисто немецкое слово, выражающее ту же сущность, должно звучать лучше, это секрет Катушева.

США хотят, чтобы единая Германия стала вся членом НАТО, о чем в середине февраля 1990 г. и договорились Коль и Буш, причем Буш обещал, что войска НАТО не будут стоять в восточной части единой Германии. Но из Москвы прозвучало определенное "нет". Надежды Москва, вероятно, возлагает на победу социал-демократов, возможно, в коалиции с зелеными или даже с либералами в единой Германии. Официальная Москва ликовала, когда в январе блестяще победил на выборах в ландтаг в Саарской области ее социал-демократический министр-президент Оскар Лафонтен. Он же будет кандидатом в канцлеры от социал-демократов на будущих выборах в бундестаг. Если Лафонтен в самом деле станет канцлером всей Германии, то он, вероятно, пойдет на нейтрализацию Германии, на которую Коль не пойдет.

В связи с возможным воссоединением

Германии Польша подняла шум по вопросу о границах. К сожалению, не только поляки, но и многие немецкие политики, в том числе и состоящие в правительственной коалиции либералы, требуют от Коль гарантии теперешних западных польских границ. Но Коль мог бы сделать это, только если б он нарушил конституцию Западной Германии, т.к. вопрос о границах должен решать общегерманский парламент. Этим шумом и нелепыми нападками стараются повредить Колью.

Что касается до внутренних проблем, то теперь, когда пали все стены, как бетонные, так и цензурные, стало ясно, до какой степени ГДР разрушена экологически. Центральное плановое хозяйство не заботилось об экологии. Все заводы работают без фильтров, воздух отравлен, химические отбросы спускаются в реки без очистки, реки стали клоаками, отравляется грунтовая вода, леса, правда, еще не вымерли, как в Чехословакии (там они почти полностью вымерли), но и в ГДР недалеко от этого. В промышленных районах число заболеваний раком, хроническим бронхитом, астмой процентуально значительно выше, чем в менее промышленных, а особенно чем в Западной Германии. Чрезвычайно страдают дети, бледные, задыхающиеся, они производят крайне тяжелое впечатление.

Теперь в Западной Германии спешно разрабатываются проекты помощи, спасения того, что еще как-то можно спасти.

В Советском Союзе предстоят скоро выборы в республиканские верховные советы. Мы не будем ждать их результатов, читатели их сами узнают и сумеют проанализировать. Намечается в СССР перенос центра тяжести с партии на государство. Еще недавно Горбачев яростно нападал на Сахарова, который требовал отмены 6-й статьи конституции, теперь он сам выработал проект, согласно которому эта статья, гарантирующая руководящую роль КПСС, должна быть вычеркнута. Одновременно Горбачев хочет ввести должность президента с очень широко идущими полномочиями. Как обычно, он проводит свои решения быстро, не дав никому о них основательно подумать и их обсудить. Верховный Совет уже принял этот проект, и он должен быть утвержден Конгрессом народных депутатов 12 марта. Можно не сомневаться, что он будет утвержден. В № 51 (декабрь 1988 г.) я писала о Горбачеве, что он может запеть: "Достиг я высшей власти". Но это оказалось преждевременным. Вероятно, это совершится только теперь. Полномочия будущего президента идут очень далеко. Не будем их пока перечислять. Когда (если) это изменение конституции будет принято, мы попробуем дать анализ значения этой почти диктаторской власти, которую получает Горбачев.

Неформальных движений, групп и кружков в СССР теперь много. Все еще находится в движении и формировании, трудно сказать, что из чего выйдет и как сформируется. 25 февраля в Москве была 100-тысячная мирная демонстрация с требованием ускорения реформ. Были также и лозунги против указанного проекта сильной президентской власти. Многие несли русские трехцветные национальные знамена. Но вот Демократический союз, который призывает бойкотировать выборы 4 марта как недостаточно демократические, разгоняют и его членов даже арестовывают, несмотря на гласность.

Не движется с места хозяйственная реформа. Намечают жалкие проекты мелкой предпринимательской частной собственности на орудия производства без права иметь наемных рабочих. Ведь это же смешно! Что же, фабрикант сам будет бегать от машины к машине и всех их обслуживать? Партия — а все еще она выдумывает эти “реформы” — запуталась в сетях своей собственной пропаганды. Теперь расширили закон об аренде участков земли правом передавать эту аренду по наследству. Но кого это привлечет? Собственником всей земли остается государство, навечным арендатором колхоз или совхоз, а частник получает аренду от арендатора и, видимо, должен будет удовлетворить и собственника, и главного арендатора, а что останется ему и его семье? Работать надо будет чуть ли не 24 часа в сутки, а будет ли вообще выгода? Да и не верят люди. Если уж отнимали собственность, то аренду, полученную от арендатора, хотя бы и наследственную, отнять очень легко.

Хозяйство надо менять коренным образом и сразу, а не по аптекарским дозам. Эти паллиативы ничего не меняют, а только сбивают с толку. Надо вводить социальное рыночное хозяйство, и чем скорее, тем лучше. Все эти капельки на горячую плиту разрушенной центральным плановым хозяйством экономики только напускают туману и делают положение не лучше, а хуже. Люди сбивы с толку, прежнего страха, заставлявшего кое-как работать, уже нет, а материальной заинтересованности еще нет и не будет, пока будут пытаться “реформировать” все то же центральное плановое хозяйство. Кто же хочет работать? Хотеть создать рыночную заинтересованность и одновременно сохранить центральное плановое хозяйство — это все равно, что хотеть съесть пирожное и одновременно сохранить его.

Может быть, будущий президент с диктаторскими правами решится, наконец, на слом негодного планового хозяйства? Это было бы единственным оправданием такой полноты власти. Но мы повторяемся: в статье “Достиг я высшей власти” (№ 51) мы писали: “Но

если бы Горбачев использовал сосредоточенную в его руках власть для постепенной ликвидации социализма (хотя пока и не называя этого так), то можно было бы временно эту власть перетерпеть. Переход к рыночному и частновладельческому хозяйству расшатал бы постепенно и политическую диктатуру” (стр.6). Была ли полученная им тогда власть еще слишком мала, что он больше, чем за год, ничего не сделал в нужном направлении, или он этого делать и не намеревался? Результаты новой консолидации власти мы увидим в будущем.

В уже упомянутой статье в № 51 мы высказывали опасения относительно заинтересованности Москвы Европой. Эти опасения остаются, несмотря на то, что развитие в восточноевропейских странах идет бурно по пути преодоления коммунизма. Но как раз это-то развитие и ставит под вопрос не только Варшавский пакт, но и НАТО. А роспуск обоих пактов является старой мечтой советского правительства. Официальные советские издания пропагандируют объединение Европы на основе конференции о европейском сотрудничестве. Напомним забывшим, кто и когда впервые предложил такую конференцию: Молотов в 1954 г. Молотова давно нет как политического деятеля, а теперь уже нет и в живых, но идея конференции, им предложенной и сначала отвергнутой Западом единодушно, теперь претворяется в жизнь. И уже во весь рост встал на горизонте призрак нейтральной Германии. Кто и когда предложил первый раз нейтральную Германию? Сталин в 1952 г.

Вопрос только, сможет ли Горбачев воспользоваться всем этим так, как воспользовались бы в свое время Сталин и Молотов, удайся им это. Сможет ли даже Горбачев со всей полнотой своей власти захватить рвущуюся к свободе Европу, даже если американские войска будут из нее выведены? Все зависит от развития в самой России, именно в России. Горбачев обещает балтийским республикам переговоры относительно их выхода из состава СССР. В Литве на выборах абсолютное большинство получил Саудис, стоящий за выход из состава СССР. Трюк литовской компартии, отделившейся от Москвы, и наигранный гнев Горбачева (на самом деле все это было, вероятно, заранее договорено, также и разделенные роли) помог коммунистам только отчасти: они все же получили больше голосов, чем получили бы, оставаясь объединенными с Москвой. Но если даже балтийским республикам удастся обрести самостоятельность — чего мы им от души желаем, — это проблем всей страны не решит. Решит дело в первую очередь русский народ, затем другие народы СССР, более многочисленные, чем маленькие народы балтийских республик.

ИНТЕРВЬЮ Д. М. БАЛАШОВА (“Мюнхенский Меркур”, 3 марта 1990 г.)

Историк и член Союза писателей СССР Дмитрий Михайлович Балашов из Ленинграда дал интервью немецкой газете “Мюнхенский Меркур”. Интервьюировал его Николай Крайтель. Мы печатаем это интервью в переводе с немецкого. Формулировка первого вопроса отражает дикие представления западных журналистов.

ВОПРОС: Конфликты между национальностями и недовольство граждан нарастают все сильнее. Империя красного царя грозит развалиться. Ненависть к русским растет. Какую роль может еще играть русский народ в будущем в этих конфликтах?

ОТВЕТ: Прежде всего я хочу отметить: разваливается марксистская космополитическая империя, которая была основана на жестокой эксплуатации всех ее народов, в первую же очередь — на эксплуатации русского народа. Что же касается до великой России, многонационального государства, которое возникло в течение трех тысячелетий — начиная еще со времени скифов — и представляло собой многогранную федерацию, то это русское государство должно быть восстановлено. Это будет на пользу всем народам. Иначе будут неизбежны постоянные конфликты между отдельными национальностями, причем окраинные народы могут быть захвачены сильными соседями, например, Средняя Азия или Кавказ могут быть захвачены такими странами, как Китай, Иран или Турция.

ВОПРОС: Но я еще раз спрашиваю, как можно решить проблемы страны?

ОТВЕТ: Ход дальнейшего развития пока не совсем ясен. Ненависть к коммунизму, к сожалению, все чаще оборачивается ненавистью к русским. Поэтому нередко и возникает стремление полного отделения от России. С другой стороны, ясно, что ни один другой народ, кроме русского, не может вести эту федерацию, великую Россию. Я считаю, что в первую очередь сами русские должны избавиться от коммунистического учения, учения, которое убивает и унижает Россию. Такие деспотии, где бы они в течение тысячелетий не возникали: в государстве инков, в восточных деспотиях, в СССР или Китае Мо-дэ тунга, — они всюду ведут к остановке развития народов и к их вымиранию. Если русские восстановят свое сельское хозяйство, отказавшись от марксизма, если они восстановят русскую православную Церковь и ее глубоко человеческие, гуманные идеалы, ее толерантность в вопросах веры и ее культуру, не говоря уж об уничтоженном народном

хозяйстве, тогда изменятся и отношения с народами Прибалтики, Средней Азии и Кавказа. Только в этом случае многонациональная федерация сохранится, и русский народ сможет занять причитающееся ему место *primus inter pares*.

ВОПРОС: Что надо делать конкретно, чтобы повлиять на развитие?

ОТВЕТ: В настоящий момент я могу только приветствовать все, что направлено на создание самоуправления и хозяйственной независимости народов при сохранении политического единства. Диктатура центральных министерств, которые своими планами орошения или постройкой атомных станций ввергли страну в экологическую катастрофу, должна быть сломлена. Это вопрос жизни и смерти нашей страны. Это должно произойти не только на территориях окраинных народов, но и, даже прежде всего, в самой русской республике.

ВОПРОС: Горбачев добился отмены* монополии власти КПСС, создалась возможность многопартийной системы, не является ли это шагами в правильном направлении?

ОТВЕТ: Будущность русского народа зависит целиком и полностью от того, будет ли возвращена земля крестьянам, которую у них отняли в 1929 г. Также и вопрос о многопартийной системе зависит от решения этой проблемы. Если народ не получит землю обратно как свою безусловную, неотъемлемую и наследственную собственность, все новые партии будут ничем иным, как новым средством для угнетения и эксплуатации России. Народ, который будет иметь землю в собственности, найдет подходящие для себя формы своего государственного существования. Пока я могу поддерживать только такую партию, которая готова немедленно вернуть народу отнятое у него основное имущество, прежде всего землю.

ВОПРОС: Горбачев в принципе освободил путь для единства Германии. Что думаете вы как историк и что думают люди в России об этом?

ОТВЕТ: Раздел Германии я рассматривал с самого начала как политическую глупость, которая должна была иметь дурные последствия. Народ, стоящий на высокой ступени духовного и политического развития, нельзя произвольно разделить на две части. Я был бы очень рад, если бы воссоединение Германии произошло мирно, без военных столкновений. То, что Горбачев расчистил дорогу для мирного воссоединения Германии, я рассматриваю как его личную заслугу.

*Отмена еще не состоялась, есть только проект отмены. (Прим. ред.)

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ГОЛОС ИЗ ИРКУТСКА

В своем интервью, данном им "Литературной газете" (ЖМП, № 7, 1989), патриарх Пимен сказал: "Вечное и современное. Вечными в приложении к историческому времени следует считать непреходящие духовные ценности, относящиеся к сфере религии и культуры. Они вечны, ибо во все времена питают душу человека, гуманизируют его жизнь. Поэтому так важно для настоящего и будущего отечества происходящее ныне обращение к духовным ценностям, к познанию нашего великого культурного наследия". Но нужно сказать, что Московская патриархия в общем не спешит воспользоваться новой ситуацией и открывающимися перед РПЦ перспективами, предпочитая осторожное выжидание и не всегда всем понятные действия открытому исповеданию своих чаяний в смысле установления такого статуса Церкви, который мог бы удовлетворить миллионы верующих в СССР. Эта сугубая осторожность церковного руководства в центре как бы по невидимым проводам передается всему епископату. Молчащий епископат стал органическим явлением РПЦ, расцветшим в годы т.н. застоя и по какой-то непонятной со стороны инерции продолжающим существовать и в настоящее время.

Но подобно берлинской стене, этот заговор молчания начинает в отдельных местах прорываться; в нем появились проломы, через которые устремились потоки живой мысли, исходящие уже из церковных кругов. Передо мной октябрьский номер газеты иркутской писательской организации "Литературный Иркутск". Этот номер газеты посвящен женщине России, женщине, являющейся по мнению редакции газеты, "духоносным сосудом всякой нации". Весьма характерно: в состав редакционной коллегии газеты официально входит архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом. Представитель российского епископата заговорил, и заговорил так, что на этом следует остановиться. Говоря о борьбе между добром и злом и о роли женщины в становлении добра, архиепископ Хризостом в статье "Жена, которую Ты мне дал", говорит между прочим и следующее:

"Зло облачается в привлекательные одежды и обещает легкодоступные удовольствия, тем самым оно привлекает к себе падких на них. Нередко зло принимает и личину добра, чтобы уловить в свои сети и тех, кто имеет благие намерения следовать добру, но не очень-то хочет утруждать себя тем, чтобы разбираться, что есть добро, а что зло. История знает и такие случаи, когда зло провозглашало добром, повелевало служить ему, а тех, кто противился безумному

велению, уничтожали, объявляя их врагами общего блага. Неоднократно пытались добрые и благие цели достигать дурными, жестокими средствами, как это было во времена инквизиции, Французской революции и Октябрьской в нашей стране".

Развивая эти вполне зрелые и справедливые суждения, представитель епископата РПЦ называет мнение о том, что советский народ живет в самой справедливой, прогрессивной и преуспевающей стране, "дурманом мнимых успехов" и благодарит Бога, что этот дурман, кажется, начинает рассеиваться. Он также считает, что все трагические события, происходившие недавно в различных регионах СССР, говорят о полной бездуховности и низкой нравственности, и это является причиной многих несчастий. Весьма критически относясь к происходящему, архиепископ Хризостом считает, что в современном советском обществе выявилось величайшее множество самых различных проблем. Все эти проблемы важны и требуют неотложного решения. Но из всех проблем проблема материнства и детства является самой острой. Она настойчиво говорит о себе и ждет разумного и справедливого решения. От этого решения зависит в первую очередь будущность всей нации.

Многие иностранные журналисты с удивлением и известным "удивленным скептицизмом" констатируют, что Православная Церковь состоит теперь главным образом из женщин. Удивляются, не понимая сущности проблемы. Церковь всегда состояла в первую очередь из женщин, и для этого имелось много оснований. Подтверждает это и архиепископ Хризостом. Женщины, по его мнению, всегда активно участвовали в жизни Церкви, подражая своими добродетелями женам-мироносицам, активно вступившим в Церковь в Иерусалиме две тысячи лет назад и смело возвестившим воскресение Спасителя.

Архиепископ Хризостом напоминает при этом, что в последние десятилетия миссия женщин-христианок стала еще более ответственной и трагичной. Сложившиеся обстоятельства лишили детей возможности получать религиозное образование и воспитание. Малое количество храмов, полное отсутствие духовной литературы, низкий духовно-нравственный уровень большинства духовенства (закономерный в сложившихся обстоятельствах), воинствующий атеизм — поставили перед всей Церковью вопрос: сможет ли она дальше существовать в СССР? И в этих условиях верующие женщины не сдались и остались на своем посту активной поддержки Церкви. Архиепископ не постеснялся напомнить о

хрущевских гонениях на Церковь, назвав вещи своими именами. Одновременно он на страницах "Литературного Иркутска" утверждает, что в хрущевские времена было намечено к началу восьмидесятых годов покончить навсегда с религией в СССР.

"В настоящее время, — пишет иерарх плененной Церкви, — Русская Православная Церковь в основном состоит из женщин. Они посещают храмы, активно участвуют в богослужении и административной жизни приходов. На сегодня, пожалуй, матери и бабушки являются единственными миссионерами, имеющими возможность беспрепятственно знакомить детей и внуков с религией в положительном аспекте". В полный голос говорит архиепископ Хризостом, не считаясь с теми нигде не зафиксированными, но реально существующими условиями разговора с властями, которых точно придерживается Московская патриархия. Выступление архиепископа Хризостома в свободной диссидентской печати, даже и в условиях перестроечного времени является на фоне "церковного молчания" своего рода ЧП. Оно неожиданно, но весьма своевременно.

Архиепископу Хризостому вторит протоиерей Лев Лебедев, поместивший в газете статью "О мастерах и Маргаритах" и не постеснявшийся в ней сказать достаточно неприятные, но вполне конкретные факты.

"Любая женщина, — пишет протоиерей Л. Лебедев, — в соответствии с Богоданным законом абсолютной свободы человеческой воли может выбирать в сердце своем то или другое. И в зависимости от того, что она избирает, женщина в этом мире может стать или орудием спасения, приближаясь в этом служении к Богоматери, Деве Марии, или орудием гибели, приближаясь к состоянию ведьмы". О ведьмах и о прочих темных силах идет речь в статье прот. Лебедева. Интересна одна его мысль, быть может, даже и не осознанная автором как центр его статьи. Он пишет об "эстрадных и уличных ведьмах", с их торчащими прическами, с выбритыми висками, вспоминает их полубритые и совсем бритые головы, размалеванные до предела лица, длинные "кровавые" ногти-когти и прочие атрибуты вампиров, вурдалаков, упырей и т. п. Упоминает он и о том, что в стране начинают входить в моду прически с рожками и рогами — козлиными, козликовыми, коровьими... И вспоминая все это, о. Лев пишет:

"С одной стороны, в сознании людей стараются разложить окружающую реальность на составные части, а с другой — всех стараются приучить к образам преисподней и ее обитателей, сделать их знакомыми, нормальными явлениями жизни и культуры, а кое-кого через все это склонить и к любви

ко всему преисподнему".

И как бы противопоставляя мрачным, но обоснованным выводам протоиерея о. Л. Лебедева нечто иное, радостное и богоизбранное, протоиерей Евгений Касаткин пишет об иконе Владимирской Божией Матери, всероссийской святыне, до сих пор находящейся в заточении в Третьяковской галерее. Написанная, по преданию, евангелистом Лукой, всесторонне одаренным учеником Христа — врачом, художником, священным писателем (автором одного из Евангелий и книги Деяний Апостолов), икона имеет длинную и интересную историю, на своем последнем этапе заканчивающуюся в Москве. И не зря автор статьи об иконе Владимирской Божией Матери ставит вопрос: не пора ли и этой всероссийской святыне возвратиться на свое место в храм?

"Литературный Иркутск" уделил внимание и некоторым сторонам одного из наиболее значимых и известных памятников древнерусской литературы — "Домострою", знакомя читателя с тем, с чем ему следовало бы быть знакомым, отнюдь не навязывая ему каких-либо выводов. Останавливается газета и на том, как одевались в старину русские женщины, печатая интересное исследование по данному вопросу: статью доктора искусствоведения В. Г. Брюсовой. Но внимание читателя сосредоточивается не на этих экскурсах в русскую старину, а на статьях и материалах, посвященных героическим русским женщинам, показавшим образцы необычайной духовности. Поэтому особый интерес приобретают отрывки из книги И. Забелина "Домашний быт русских цариц", посвященной духовной дочери протопопа Аввакума — боярыне Морозовой, ее житию и блаженной кончине. К этой же группе публикаций следует отнести и статью Виктора Тростникова "Житие Великой княгини Елизаветы Федоровны", зверски умученной большевиками на шахте Нижняя Селимская в 18 километрах от Алапаевска. Секретность, с которой было совершено это убийство, "подвела". Сейчас весь мир знает, что творилось тогда под Алапаевском.

Сегодня писатель Валентин Распутин ("Шерше ля фам") анализирует психологию современной женщины, сопоставляя то, что есть, с тем, что должно быть и что фактически и было. Он пишет о том прообразе "богородичного склада", превращающего женщину в полноценную "миротворящую" личность, призванную давать жизнь, создавать вокруг себя такие условия, такой мир, при котором произведенная ею новая жизнь могла бы развиваться правильно. В. Распутин пишет, что сущность женщины — это охранительность, направленная на семейные и более широкие духовные ценности, создающая уют, тепло, ласку, умирение, верность, мягкость, гиб-

кость, милосердие. И над всем этим восходил к небу купол, "являющийся мировой надмирностью, выходом из мирского в небесное, без которого обыденность и повторяемость трудов могли бы показаться узким и скучным мирком". И эмансипированные женщины или т. н. революционерки типа Веры Засулич, Софьи Перовской, Веры Фигнер и иже с ними не являются тем идеалом, который выходит сегодня на страницы "Литературного Иркутска". Вспоминаются добрыми словами не они, а другие: жена отца Павла Флоренского, образ которой дан в статье игумена Андроника (Трубачева), насельника Троице-Сергиевой лавры, сотрудника Издательского отдела Московского патриархата и преподавателя Московской Духовной Академии.

Образ жены о. Павла Флоренского ("Голубка моя бедная...") дан блестяще. Анна Михайловна Флоренская вырисовывается как живая, как мученица и подвижница, добро-

вольно взявшая на себя подвиг — быть женой священника в условиях для этого едва ли подходящих. Могут возразить: брак состоялся в дореволюционное время, когда никакой советской власти еще не было. Да, не было, но было уже нечто, свидетельствующее об искусственно инспирированном отходе от Церкви "образованных кругов" русского общества, не понимавших, что они творят, и ставивших в исключительно трудное положение пастырей Церкви типа о. Флоренского. И, замыкая тему об А. М. Флоренской, редакция напечатала отрывки из творений Иоанна Златоуста, посвященных христианскому браку.

"Литературный Иркутск" — явление весьма своеобразное, сочетающее стандартный лозунг, помещенный вверху первой страницы — "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", — с творениями Иоанна Златоуста и иконой Владимирской Божией Матери...

НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

Владимир РУДИНСКИЙ

ФУРИЙ И АВРЕЛИЙ

Кому не случалось, читая переводы наших классиков из Шенье, жалеть, что они не собраны в одном томе, где бы их можно было зараз окинуть взором? Данный пробел отчасти восполняется изданной сейчас, в 1989 году, в Москве, под редакцией В. Вацура, книгой "Французские элегии XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры". Причем не только относительно Шенье, но и Парни, а также сравнительно реже переводившихся Жильбера, Арно, Мильвуа и Ламартина. Более того, мы находим здесь иногда различные варианты тех же стихотворений в переложениях нескольких разных поэтов, а равно и параллельный французский их подлинный текст.

Только не напрасно ли составители ограничили себя уж очень тесными рамками пушкинской эпохи? Это не позволило им включить чудесные переводы из Шенье А. К. Толстого (например, "Ко мне, младой Хромид!", который выше по качеству приведенных тут иных переложений той же вещи) и А. Майкова (например, "Я был еще дитя; она, уже прекрасна"). Одобрим мысль присоединить к переводам оригинальные стихи, посвященные памяти Шенье, пушкинские и лермонтовские; но, опять же, хотелось бы видеть, заодно с ними, и стихотворение Цветаевой "Андрей Шенье взшел на эшафот". Среди переводчиков, понятно, затмевают всех остальных Пушкин, Батюшков и Жуковский; хотя здесь рядом с ними фигурируют мастера не столь уж далеко им уступающие в силе, как

Баратынский, Тютчев, Козлов, Вяземский, Дмитриев и Полежаев. Другие появляющиеся здесь же поэты менее известны, а некоторые — и совсем неизвестные.

Многие детали будут новинкою для иного читателя. Оказывается, "Мадагаскарские песни" Парни, написанные в оригинале ритмической прозой, удостоились переводов не одного Батюшкова ("Как сладко спать в отрадной сени"), но и целого ряда его современников (Ознобишина, Илличевского, Дмитриева, Редкина). Прозою же написан у Парни и "Le torrent", превратившийся под пером Батюшкова в замечательный "Источник". Остановимся, однако, на одном стихотворении.

Составители сборника считают, что пушкинский **элегический отрывок** "Поедем, я готов" представляет собою вольный пересказ элегии Шенье, начинающейся строкою:

Partons, la voile est prête, et Byzance m'appelle.

В свое время в "Новом Журнале" № 115 я высказал предположение, что Пушкин исходил из стихотворения Катуллы (которое, в переводе А. Пиотровского в выпущенной в 1929 г. в издательстве "Academia" "Книге лирики", получило заглавие "Последние слова".) Конечно, я бы охотно готов признать свою ошибку, но... внимательное рассмотрение заставляет меня, наоборот, укрепиться во мнении, что именно римский, а не французский поэт вдохновил русского на его краткий, но весьма интересный во многих отношениях фрагмент. Сами по себе та и другая версия

возможны. Пушкин знал и любил поэзию Шенье; однако, и поэзию Катулла тоже. Если он часто переводил Шенье или ему подражал, то и из Катулла он перевел стихотворение "Minister vetuli puer Falerni" ("Пьяной горечью Фалерна чашу мне наполни, мальчик"). Заметим еще, что и сама-то элегия Шенье навеяна, по всей вероятности, тем же Катуллом. Но сходство между Пушкиным и Катуллом куда разительнее, чем между ними обоими, с одной стороны, и Шенье, с другой!

Латинский лирик начинает свои излияния обращением к своим двум друзьям:

Фурий и Аврелий, спутники Катулла
(Furi et Aureli, comites Catulli)

и излагает затем план совместного с ними путешествия в далекие страны.

Александр Сергеевич весьма точно передает ту же ситуацию:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...

Правда, в приведенных строках не указано, к скольким друзьям поэт обращается; но, как мы увидим далее, есть возможность с точностью фиксировать их число как двойственное и даже назвать их подлинные имена.

Иное вовсе дело у Шенье. Самая форма partons является, скорее всего, авторским я; а если он и имеет в виду попутчиков, то мы о них из его рассказа ничего не узнаем.

Кроме того, античный предшественник романтиков решительно подчеркивает, что речь для него идет о поездке на край света, в удаленные и таинственные пределы земли, восточные либо западные, в бегстве от возлюбленной, против власти которой он взбунтовался (этот последний мотив сохранен у Пушкина; как, впрочем, и у Шенье). И здесь перед нами по-русски рисуется примерно такой же план. Описываются не те же области земного шара; но они окрашены сходными чувствами:

К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тассо не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом
дремлют мощи,

Где кипарисные благоухают рощи.

Катулл, соответственно, говорит об Индии, Аравии, стране парфян, о загадочной Британии, только что тогда завоеванной Цезарем. Легко заметить параллельный ход мыслей у него и у Пушкина. Напротив, Шенье собирается в Византию, то есть в Константинополь, город не слишком отдаленный и притом для него лично родной (он там появился на свет).

Главное же, и что нам кажется наиболее убедительным, у Шенье намечается **морское плавание**. И трудно себе представить, чтобы, переводя его или хотя бы думая о нем, Пушкин не упомянул бы парус, волны или

порт (понятия, столь многократно возникающие в его собственном творчестве). Иначе у Катулла: у того все время стоят перед глазами странствия по суше:

Sive in extremis penetrabit Indos...

Sive in Hyrcanos Arabasque molles...

(кроме, впрочем, эпизодического упоминания о Британских островах). Любопытно, что и у Пушкина, и у Шенье (если последний тоже опирался на Катулла) опущена последняя (и весьма важная!) часть трагического монолога Катулла: его резкие упреки обманувшей его женщине. У них положение совсем иное; они жалуются, но не обвиняют и не осуждают. Пушкин рвется вдаль:

надменной убегаю...

И горько вздыхает:

Забуду ль гордую мучительную деву?

Шенье меланхолически констатирует:

Je suis vaincu; je suis au joug d'une cruelle.

Мы обещали уточнить (для тех из читателей, кто и без нас не знает) имена двух приятелей, которым Пушкин адресовал свои стихи. Вот они: выдающийся востоковед и синолог отец Иакинф, в миру Никита Яковлевич Бичурин (1777 — 1853) и барон Петр Львович Шиллинг фон Канштадт (1787 — 1837), дипломат, изобретатель, член-корреспондент Академии Наук по разряду литературы и древностей Востока. Надо признать, что Пушкин друзей умел выбирать в разных кругах и, в данном случае, людей интересных и значительных! Во всяком случае, будь его разобранный выше отрывок создан под влиянием **византийского француза** (как тот сам любил себя называть) Андре-Мари де Шенье или веронца Гая Валерия Катулла, бесспорно, он отражает биографию и интимные переживания своего автора. Набросанный на бумагу в 1829 г., он относится к периоду, когда поэт, казалось, безнадежно отвергнутый любимой девушкой, Натальей Гончаровой, ставшей впоследствии его женой, замыслил принять участие в готовившейся экспедиции в Китай в компании с Бичуриным и Шиллингом; его намерение не осуществилось только в силу отказа правительства дать ему разрешение. Мечтал он в эти дни и об отъезде в Италию или во Францию (откуда слова о Париже и о родине Тассо).

Нам остается еще сделать следующие замечания. Что касается отношений Катулла с Фурием и Аврелием, их дружба, очевидно, перемежалась ссорами, увековеченными в его стихах. Пиотровский, несмотря на то, что переводит более сдержанные выражения подлинника строками:

Фурий ласковый и Аврелий верный!

Вы — друзья Катулла,

отзывается о них довольно пренебрежительно, как о "молодых прожигателях жизни". Французский литературовед Жорж Лафей, в ком-

ментариях к изданию стихов латинского поэта (Catulle, "Poésies", Paris, 1949), еще более решительно характеризует их как "Objet des sarcasmes violents de Catulle". Ничего подобного не было налицо в сношениях нашего великого поэта с его Фурием и

Аврелием. Александр Сергеевич отличался завидным постоянством в дружбе. С Бичуриным и Шиллингом он познакомился поздно; но все его с ними контакты отмечены искренним доброжелательством и симпатией — видимо, взаимной.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы печатаем в порядке дискуссии статью нашего постоянного сотрудника, с которым мы, к сожалению, радикально разошлись во взглядах на административное, плановое центральное и рыночное хозяйство. Наше несогласие с его взглядами явствует из ряда примечаний. Мы приветствовали бы дискуссионные статьи по этому вопросу в поддержку взгляда Е. Кармазина или с критикой его взглядов.

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

*О Русь — такси! Куда ты мчишься?
Ответь, ответствуй мне: куда?
Таксист, ты больше не случисься,
Погибнув раз и навсегда.*

Евгения Перепелка, "Новый мир" № 5/89

*Родные, да кто ж нас так страшно швыряет,
Как будто нас кто-то на крепь проверяет?
То вправо, то влево и вечно в галоп,
Я вырос в стране неоконченных проб.*

Геннадий Русаков, "Новый мир" № 5/89

*Все империи разваливаются, друг мой,
Нет и австро-венгерской наследной досады той...
Я хотел бы громаду пеструю на поруки
Взять, да мне не простят товарищи челухи.*

А. Кушнер, "Нева" № 4/89

*Как это страшно — утверждение сталинского государства
приходит в форме протеста лидеров государства против Сталина.*

В. Гроссман, "Дружба народов" № 8/89

1. КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

13—15 ноября в Москве проходила Всесоюзная научно-практическая конференция, обсудившая стратегию и тактику реализации радикальной экономической реформы. В работе конференции приняли участие Горбачев, Рыжков, Слюньков, Медведев и другие.

Надо сказать, что обсуждение и публикация дискуссии были организованы самым подлым, классически большевистским методом, не было допущено гласности даже по принятым, казалось бы, советским стандартам. Материалы, предложенные комиссией Абалкина, говорят следующее: "Нельзя не видеть и вариант, альтернативный экономической реформе в целом: рынка не надо, усилить административные меры, закрыть кооперативы, запретить рост цен и т. п. В сложившейся острой ситуации такая программа при всей ее экономической несостоятельности находит поддержку у известной части трудящихся, побуждаемых демагогическими лозунгами. Следует со всей определенностью сказать:

реформе нет реальной альтернативы. В этом вопросе выбор сделан". (ЭГ № 43, 1989, с. 5)

Вот так, вполне по-большевистски, по-ленински, по-сталински: обсуждений быть не может, альтернативы нет, выбор сделан, а все, кто против, — демагоги. Автор этих строк должен заявить, что является сторонником именно этой альтернативы (которой "нет").¹

Надо сказать, что даже в политической сфере больше гласности, чем в экономике, захваченной группой академика Абалкина (он же заместитель председателя совета министров). Вот, например, в передовой статье "Экономической газеты", посвященной октябрьской годовщине, говорится: "Ставшая сегодня популярной ленинская фраза о необходимости коренной перемены сложившейся точки зрения на социализм ныне порой используется для доказательства того, что социализм-де представляет собой "ложный идеал", от которого надо побыстрее отказаться. А сама октябрьская революция была, мол, не чем иным, как исторической ошибкой". (ЭГ № 45, 1989, с. 1) Мы, конечно,

полностью согласны с этой точкой зрения. Bravo! Газета продолжает: "Говорят, что перестройка с ее экономическими новациями нам все расшатала, надо как можно скорее вернуться назад, к надежной административной системе" (хрущевско-косыгинской, поправим мы жаргон газеты). "Чем полнее хозрасчет (абалкинский, поправим мы), тем пустее прилавки", — пугает нас обозреватель ТАСС Ю. Воробьевский со страниц "Советской России" от 29 октября" (там же). Совершенно правильно! — скажем мы. Bravo, Ю. Воробьевский! Bravo, "Советская Россия"! "Экономическая газета" продолжает: "Где же истина? Неужели 72 года жизни нашей страны — сплошная цепь позора и ошибок?" (там же) Да, в этом и есть истина, ответим мы; за исключением разве что нэпа и оттепели...

Все это были попытки предварительного обсуждения предложений Абалкина. На самой конференции в присутствии Горбачева выступлений против то ли не было, то ли "Экономическая газета" их скрыла. Однако вынуждена была сообщить: "Перед Колонным залом, где проходила конференция, вдруг появилась группа людей, в руках у которых были лозунги: "Позор экономистам, планирующим безработицу!" (ЭГ № 48, 1989, с.5) Тоже демагоги? И почему же газета не напечатала отчета корреспондента о встрече с демонстрантами? Зато в самом подлом сталинском духе газета пишет: "Дискуссии, разгоревшиеся на заседаниях, позволили глубже оценить... Еще раз подтверждено, что науке противопоказана монополия на истину" (там же). Где же эти дискуссии? И как же с заявлением, что реформе нет альтернативы? Ответ один — лженауке Абалкина (как и таковой же Лысенко, да и самого Маркса) только и необходима "монополия на истину".

Вероятно, общественное возмущение было столь велико, что "Экономическая газета" пошла на беспрецедентный шаг — опубликовала резкий протест главного редактора журнала "Вопросы экономики" Г. Попова. Автор, хотя и активный сторонник Абалкина, очевидно, не согласен принять монополию на истину и пишет следующее: "Во время Всесоюзной научно-практической конференции большинство зала отвергло проект правительства. Большую поддержку зала получили именно консервативные критики доклада. Действительно, 65% заполнивших анкеты одобрили проект. Но надо было добавить одну деталь: анкеты заполнило менее 1/4 участников конференции. Так что если говорить точно, то надо было написать "65% из 1/4 участников конференции (т.е. 16% присутствующих) одобрили письменно проект правительства". "Экономическая газета" ссылается на то, что "большинство выступающих" одобрило проект. Это, на мой взгляд, некор-

ректно, т.к. список выступающих регистрировали председательствующие на этой конференции, а не сам зал. Ведь общего голосования — ни открытого, ни тайного — не было". (ЭГ № 51, 1989, с.15) Итак, даже подобранным делегатам конференции горбачевцы не давали слова и не решались провести среди них голосование — не говоря уж о референдуме. Лысенко избежал суда, избежит ли его Абалкин?

Наконец, уже после конференции, "Экономическая газета" опубликовала статью с критикой реформы, которую решил написать кандидат экономических наук М. Карпунин. Вот что он пишет: "Еще не улеглись страсти вокруг Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы. Обсуждавшаяся на конференции концепция далеко не полностью отражает содержание необходимых преобразований. Нельзя согласиться и с односторонней направленностью предлагаемых мероприятий. Ориентированная целиком на формирование рынка концепция реформы оставила в стороне вопрос о путях достижения. Не показано и не доказано, что рыночные отношения сами по себе достаточно быстро решат проблемы. Поспешность, непродуманность, противоречивость ряда решений показали, что вопреки благим пожеланиям они повлекли увеличение разбалансированности потребительского рынка и дефицита товаров, завышение цен и усиление инфляционных процессов. Нельзя не замечать активизации теневой экономики, снижения уровня дисциплины, проявлений группового эгоизма, усиления социальной напряженности и ряд других негативных процессов. Предлагаемый путь к рыночному хозяйству ничуть не лучше других революций сверху, за которые наше общество уже заплатило дорогой ценой. Нет и убедительных доказательств того, что столь необходимую структурную перестройку производства (т.е. с группы А на группу Б) рынок способен реализовать гораздо лучше и быстрее, чем план. Это может привести к дезинтеграции и не просто ограничению, а ликвидации власти "сильного центра". Нетрудно предположить судьбу государства при таком "разгосударствлении". Предстоит длительная, скорее всего выходящая за десятилетия работа. Рыночные отношения нельзя ведь ввести декретом. Практика централизованного планирования способна быстрее встать на обслуживание перестроечных процессов, чем рыночные регуляторы, поведение которых в нашей экономической среде не изучено, а их введение в действие — законодательные акты, налоговая система, нормативы — должным образом не подготовлено, не проверено в реальных условиях функционирования. Необходимые изменения ставят в повестку дня вопрос об

обсуждении альтернативного варианта радикальной экономической реформы, перемене точки зрения на пути ее осуществления" (ЭГ № 50, 1989, с.8). Автор настоящих заметок присоединяется к изложенной точке зрения.

Приведем теперь выдержки из доклада на конференции академика Абалкина (наши замечания — в скобках). "Реформа носит радикальный характер. Это не подновление фасада одряхлевшего здания, а слом административно-командной системы. (Вот это и страшно; ломать — не строить; хоть на лягушках бы попробовали!) Реформа началась со сложного поиска исходного пункта. Сегодня можно утверждать, что это был правильный шаг. Это была единственная возможность начать расшатывать всю экономическую систему. (А что если обрушится на голову?) В условиях, когда накопилась масса нерешенных проблем, когда с каждым днем пустеют полки магазинов, гниет урожай и стоят стройки, когда парализованы целые сферы народного хозяйства, испытываешь опасение, что те, кто ждет от нас ответа, могут оказаться неудовлетворенными. Но в данном случае я выступаю не на собрании пожарной команды. (А что если начнет гореть сам институт экономики?) Если посмотреть на вещи реально, то нетрудно прийти к выводу, что на формирование новых отношений собственности требуются десятки лет. (И что до тех пор?)

Мы стоим перед необходимостью реально воплотить на практике ту идею, которая была сформулирована на июньском (1987) пленуме ЦК КПСС — новую концепцию централизма, новую философию централизованного государственного регулирования экономики. (Вот эта концепция и порочна в самой основе.) Мы попросили Всесоюзный центр произвести специальное исследование общественного мнения, отношения населения к радикальной экономической реформе. Материалы дают достаточно настораживающие выводы. Свыше 70% считают, что трудности вызваны ошибками. Об уверенности в завтрашнем дне 57% ответили отрицательно. К тому же 24% тех, кто затруднялся ответить на этот вопрос. 54% — за то, чтобы навести твердый порядок в стране, 40% — усилить государственный контроль за ценами. (Так проведите референдум!) Опасность усиливается в связи с нарастанием негативных явлений в экономике и недоверчивостью общественного сознания к тем, кто говорит, что если вернуться назад, то все сразу станет лучше. (Но ведь это чистая правда!) С прямым призывом возврата к старому в экономической системе сейчас вряд ли кто в открытую пойдет. (И то правда; но ведь система Чаушеску — и то взорвалась, хотя в открытую идти было никак нельзя). Речь идет о необходимости

вернуть поддержку народа, веру в способность руководства страны обуздать развитие негативных процессов и вывести страну из критического состояния. (Пустое дело; без отставки Абалкина и отмены экономической реформы ничего не выйдет.) Нам нужно добиться общественного согласия, если хотите, перемирия, сказать об опасности раскачивания той общей лодки, в рамках которой мы все движемся. (Кто же раскачивает? Кто ломает и расшатывает?) 19 сентября в Нью-Йорке проходило собрание международной академии управления. Вот некоторые выводы, к которым они пришли. Управление в условиях разных национальных культур — проблема, недооценивавшаяся в 70—80-е годы и требующая сейчас пристального внимания. Ни техника, ни организация, ни новейшие методы не могут восполнить влияния на эффективность управления национального характера, традиций, навыков, поведения, даже вероисповедания". (Еще раз — остановитесь, безумцы, и объявите референдум.)

Приведем некоторые выступления из дискуссии. "По мнению члена-корреспондента АН СССР Н. Петракова, не надо ждать, пока будет сбалансирована экономика, и в рынок надо входить уже сейчас. Иной подход у академика А. Аганбегяна. Он считает, что вначале надо оздоровить потребительский рынок, откатать с него неотоваренные деньги, удовлетворить громадный платежеспособный спрос. (Прежде всего следует перестать накачивать рынок деньгами по системе самофинансирования). Противоположную позицию отстаивал член-корреспондент АН СССР П. Бунин. В аренде он видит решающее средство. Он подчеркнул: сегодня нужен Брестский мир в экономике". (Что же, даже Ленин назвал Брестский мир похабным.)

2. ДОКЛАД РЫЖКОВА ОБ ЭКОНОМИКЕ

С 12 по 24 декабря проходил второй съезд народных депутатов. На съезде с экономическим докладом выступил председатель совета министров Рыжков. Приводим выдержки из доклада (наши замечания — в скобках).

"Современное экономическое положение страны обусловлено комплексом причин. Я бы выделил в нем четыре главные группы. Первая. Негативные застарелые факторы глубинного характера. Это крайне деформированная структура общественного производства, ориентированная, в первую очередь, на развитие тяжелой индустрии, а не на потребителя. Это отсталый технический уровень во многих отраслях, а также ставшая хронической невосприимчивость народного хозяйства к научно-техническому прогрессу. (5 лет перестройки понадобились, чтобы объявить эти общеизвестные вещи.)

Вторая группа причин. Это недостатки в осуществлении экономической реформы. В итоге обострился групповой эгоизм, снижаются объемы производства многих нужных видов продукции, растут цены и, как следствие, — усиливается материальная и финансовая несбалансированность. Это привело к значительным бюджетным потерям и противоправным проявлениям в финансовой сфере, во многом способствовало разрастанию теневой экономики. Часть недостатков можно было бы предвидеть, но научное подкрепление реформы осуществлялось в ходе ее проведения. (Каких же все-таки болванов держат там в консультантах. В наших заметках мы предсказывали все эти — и другие — беды с самого начала перестройки. Думаем, что в СССР это предвидели многие, для этого не требуются академические звания, а всего лишь производственный опыт и некоторое умение излагать свои мысли.)

Третья группа. Допущенные ошибки и просчеты при подготовке ряда серьезных общегосударственных мероприятий без должной оценки их последствий, поспешность в их практическом осуществлении. К ним прежде всего относится антиалкогольная кампания. Она по существу приняла запретительный уклон и нанесла не только большой материальный, но и моральный ущерб. К серьезным просчетам следует отнести и непоследовательность в борьбе с нетрудовыми доходами. (И это мы предсказывали, как и безусловное безумие — а не непоследовательность — самой борьбы с нетрудовыми доходами. Что же, однако, сделало правительство по исправлению признанных ошибок? А ничего.)

И наконец. Падение производственной и трудовой дисциплины, снижение ответственности за выполнение обязательств перед потребителями и государством. Огромный ущерб наносят перерывы движения на железнодорожных магистралях. (И это мы предсказывали, как результат самофинансирования, отмены планирования по ассортименту, ликвидации системы премирования и массовых сокращений на железных дорогах — в непонятных нам и сейчас целях.)

Программа является результатом выбора решений на основе альтернативных сопоставлений. Совершенно неприемлемыми, по мнению правительства, являются предложения об отказе от реформы и возврате к административной системе. Этот путь не имеет никакой перспективы. В любом случае он заведет нас в тупик. Альтернативы экономической реформе нет. (А если это ошибка? Ведь правительство ошибалось во всех четырех группах причин и завело экономику в тупик — теперь, а не в будущем. Где же тут прокламируемые альтернативные сопоставления? Как писал Горький, "Я снова пою славу

священному безумству храбрых. Из них же Владимир Ленин — первый и самый безумный".)²

Первый, хотя и непродолжительный опыт выборности руководителей (предприятий) позволяет сделать вывод, что повсеместное введение такой системы принесло не только плюсы, но и минусы. На государственных предприятиях руководитель является представителем государства. И его, очевидно, надо не избирать, а назначать. (Очередная ошибка правительства. Ее мы тоже предсказывали.)

При переходе на хозрасчет и самофинансирование значительная часть средств, ранее изымавшихся у предприятий в госбюджет, теперь остается в их распоряжении. В результате у предприятий имеются свободные и излишние средства, а в госбюджете — огромный дефицит. Так, на начало текущего года свободные остатки средств фондов предприятий приблизились к 100 млрд. рублей при дефиците госбюджета в размере 120 млрд. рублей. (Об этой ошибке правительства мы тоже писали ранее. Кстати говоря, в 1970—85 гг. бюджетный дефицит составлял в среднем 20 млрд. руб. в год — см. "Знамя" № 12/89. Действительно, во всем виновата перестройка!)

Производственно-хозяйственные связи государственных, кооперативных, арендных, проектных, научно-исследовательских и других предприятий, перешедших на принципы хозрасчета, породили мощный фактор перекачки безналичных денег в наличные, создали условия для выплат незаработанных средств. Это ухудшило денежное обращение и оказывает давление на потребительский рынок. Дело надо вести к тому, чтобы все расчеты в народном хозяйстве, кроме оплаты труда, осуществлялись только на безналичной основе. (Эту ошибку правительства мы не предсказывали, так как не думали, что оно способно на такое безумство).

Продолжается практика замораживания средств в незавершенном строительстве. Принято постановление, предусматривающее переход на расчеты за готовую строительную продукцию. Практика последних лет показывает, что предприятия, перешедшие на хозрасчет и самофинансирование, допускают огромное распыление капитальных вложений". (Об этих ошибках правительства мы тоже не раз писали, как и о необходимости возврата к реформе 1979 года по товарной строительной продукции.)

Нам остается только присоединиться к тем депутатам, которые требовали "оставить программу правительства без поддержки съезда, выразить недоверие правительству" (ЭГ № 52, 1989, с.1). За немедленную отставку правительства проголосовали 199 депутатов и воздержались 98 при общем числе проголосова-

вавших 1982 (ЭГ № 5, 1990, с. 7).

3. НОВЫЕ ЗАКОНЫ ПО ЭКОНОМИКЕ

9 октября принят закон о забастовках под названием "О порядке разрешения коллективных трудовых споров". Требования коллектива принимаются большинством голосов при наличии на собрании не менее 3/4 членов коллектива и передаются администрации в письменной форме. Они рассматриваются последовательно администрацией, примирительной комиссией и трудовым арбитражем, после чего может быть объявлена забастовка как крайняя мера разрешения спора. Решение о забастовке принимается на собрании тайным голосованием, если за него проголосовало не менее 2/3 членов данного коллектива. Администрация должна быть предупреждена письменно о начале забастовки и возможной ее продолжительности не позднее чем за 5 дней. Никто не может быть принужден к участию или отказу от забастовки. Верховный совет СССР или союзной республики или Президиум Верховного совета может приостановить забастовку на срок до двух месяцев. Забастовка не допускается на транспорте, связи, энергетике, оборонных отраслях, органах правопорядка и непрерывно действующих производствах. Решение о признании забастовки незаконной выносит областной суд (ЭГ № 43, 1989, с. 3).

28 ноября принят проект закона об отпусках (в первом чтении), согласно которому минимальный отпуск должен быть не менее 21 календарного дня, вместо нынешних 14 календарных дней, с увеличением при стаже 10 лет еще на 7 календарных дней. (ЭГ № 50, 1989, с. 3) Признана возможность отпуска без сохранения зарплаты до 7 календарных дней в году (там же). До этого велась свирепая война с такими отпусками, тоталитарная система не желала выпустить работника ни на миг (впрочем, закон еще не принят).

27 ноября принят закон об экономической самостоятельности Прибалтики (ЭГ № 50, 1989, с. 15). В чем будет выражаться эта самостоятельность — можно будет сказать только на опыте.

17 октября принято постановление Верховного совета об упорядочении деятельности кооперативов и регулировании цен на товары, реализуемые ими. Согласно постановлению, запрещено кооперативам осуществлять торгово-закупочную и посредническую деятельность, связанную со скупкой в розничной и оптовой сети товаров и их перепродажей. Предоставлено право местным советам устанавливать предельные цены на товары первой необходимости, реализуемые кооперативами. Кооперативы, приобретающие товары по им-

порту, реализуют эти товары по ценам не выше государственных. Запрещено вступление в члены кооперативов руководящих работников, а также работников органов контроля (ЭГ № 44, 1989, с. 3). Это хилое постановление легко можно обойти, о чем свидетельствуют не только факты (продажа танков кооперативу для экспорта, что уже вызвало скандал в прессе и в правительстве), но и нелепое повторение в том же постановлении: "Решительно пресекать незаконную скупку кооперативами в торговой сети, продажу товаров по завышенным ценам и другие противоправные действия кооператоров". Что же пресекать, если уж запрещено?

23 ноября принят закон об аренде, в котором, в частности, разрешено арендаторному руководству самостоятельно определять порядок найма и увольнения, формы и системы оплаты труда, распорядок рабочего дня, порядок предоставления выходных дней (ЭГ № 49, 1989, с. 14). Под этими вроде невинными словами скрывается полная отмена на этих предприятиях 8-часового рабочего дня и 5 рабочих дней в неделю, не говоря уж о прочих трудовых гарантиях. Работай хоть без выходных по 16 часов. До такой цивилизованности капиталисты, конечно, не дошли: будь ты хоть распроарендатор, а закон есть закон. Но не для "революционной перестройки".

25 ноября принято постановление Верховного совета о дополнительных мерах по усилению государственного контроля над ценами ("Правда" 26.11.89). Забавно (или чудовищно), что "Экономическая газета" его не напечатала (хороши же перестройка и гласность!). Согласно постановлению, приостановлена на четвертый квартал 1989 и 1990 год возможность введения договорных цен на основные продовольственные товары (кроме картофеля, винограда, плодоовощной продукции и консервов) и на некоторые группы товаров для детей и лиц пожилого возраста. Предложено предусмотреть в плане на 1990 г. производство важнейших товаров легкой промышленности в натуральном выражении, увеличить планируемую номенклатуру товаров культурно-бытового назначения и т. д. Договорные цены на непродовольственные товары, на которые сохраняется возможность таких цен, не могут утверждаться, как правило, с надбавкой более 30% к государственным ценам. (А на картофель, значит, и вовсе без ограничения). Эти показушные меры тоже ничего не дадут, тут нужен полный и абсолютный запрет всех договорных цен и столь же полное планирование всего ассортимента.

Несведущие люди обычно утверждают, что планировать весь ассортимент невозможно. Они не знают системы планирования. Госплан

планирует, говоря условно, 1000 позиций, деля их, допустим, на 100 министерств, каждое из которых развертывает тоже по 1000 позиций; вторично развертываются они в главках, которых в министерствах обычно около 10. Это уже дает примерно миллион позиций, причем каждая из них указывается "по спецификации потребителя", т. е. заказчик, в свою очередь, развертывает каждую строку плана. Сломали эту систему, и экономика дефицита сразу полетела в пропасть. А зачем? Из-за отношения Горбачева к Госплану: "Для Госплана у нас не существует никаких авторитетов, никаких Генеральных секретарей, никаких Центральных комитетов" ("Страна и мир" № 11, 1986, с.31). И вот Госплану сломали руки, это-то нетрудно, любой ЦК за минуту справится, а что получилось? Полная разруха³.

С 1 января 1990 года выпущен новый заем для размещения только среди населения на строго добровольной основе с выплатой 5% годовых ("Труд" 11.1.90). Знаем мы эту добровольность! И эти проценты при нынешней инфляции тоже знаем.

Продолжаются попытки продавать квартиры в собственность, о чем мы сообщали ранее. Как и ожидалось, "купив квартиру в собственность, нельзя полностью ею распоряжаться. И вселить, к себе, кого захочется, запрещено. Чтобы продать собственность, надо позаботиться о прописке покупателя. А уж сдать внаем собственное жилище или часть его — извините, это извлечение нетрудовых доходов. И не начнется ли спекуляция квартирами? Приобретая их по расчетным ценам, предприимчивые люди станут продавать квартиры по рыночным" ("Труд" 16.1.90).

С 1 ноября был введен специальный пониженный курс рубля к свободно конвертируемым валютам для валютного обслуживания советских и иностранных граждан, исходя из базового соотношения 6 руб 26 коп за 1 доллар. (ЭГ № 44, 1989, с.2). То есть курс снижен в 10 раз. При минимальной зарплате во Франции 4000 франков (после

уплаты налогов и страхования) в месяц, за них можно получить в Москве примерно 4000 рублей, то есть в 15 раз выше средней зарплаты в СССР. Можно себе представить чудовищную инфляцию, которая начнется. Распродажа национального достояния...

4. КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

"Катастрофическое положение... Затоваривание станций и портов... Чрезвычайная ситуация... Такими эпитетами рисовалось положение с разгрузкой продовольствия, товаров ширпотреба в осенние месяцы. Сейчас положение стало еще более удручающим. Установлены новые рекорды бесхозяйственности. На подъездных путях скопилось 36 тысяч вагонов с грузами. И эти заторы увеличиваются повсеместно. Ниже некуда! Да, повторим еще раз: продовольственный кризис, товарный голод... Но анархия, беспорядок на транспорте усугубляют недуги. Омертвляется народное достояние, уничтожается, портится, а то и разворовывается. Под носом у потребителя, в двух шагах от баз, магазинов. Хвосты битком набитых товарами вагонов растянулись на десятки, а то и сотни километров. Удручающее изобилие. И оно свидетельствует, прежде всего, о вопиющей беспомощности, некомпетентности, а то и равнодушии. Правительство оказалось беспомощным и не оправдало в этом вопросе ожиданий народа. Командно-административные методы теряют свою силу, а экономические рычаги бездействуют" ("Труд" 10.1.90).

"Если возбуждать уголовные дела по каждому факту обмана покупателей, то в день должно регистрироваться не менее четырехсот тысяч преступлений. Иными словами, жульничество вокруг прилавков приобрело поистине повальный характер. Постоянно осложняющаяся криминальная ситуация требует адекватно быстрых реакций государства" ("Труд" 30.1.90). Заметим, что в год это получается 150 миллионов преступлений...

¹Мы еще раз подчеркиваем, что мы никак не согласны с автором этих строк. Мы отвергаем централизованное плановое хозяйство, разрушившее все страны, где оно было. *В. Пирожкова.*

²Возвращение к административному хозяйству, конечно, невозможно, но должны быть настоящие реформы, а не игра в них. *В. Пирожкова.*

³Мы ни в коем случае не одобряем разбухшие министерства и несогласны, что потребление можно успешно планировать. 72 года этого планирования доказали обратное. Госплан все еще господствует, в этом и беда. *В. Пирожкова.*

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы печатаем статью А. Шифрина в порядке дискуссии. Есть много указаний на такие планы, как они изложены в статье. С другой стороны, нам представляется их изложение несколько упрощенным. Источник, из которого взяты якобы произнесенные в Политбюро слова Горбачева, не серьезный. Нам кажется очень маловероятным, что Горбачев произнес бы эти слова, даже имея такие планы. А если даже допустить, что он их сказал, то каким образом это, очевидно, строго доверительное сообщение стало известно издателю американского листка? Но мы были бы рады откликам читателей на эту статью.

Печатается в порядке дискуссии

Авраам ШИФРИН

СПЕКТАКЛЬ: "ГЛАСНОСТЬ И ПЕРЕСТРОЙКА"

Только что я вернулся из большой лекционной поездки по США. Началась она в конце октября, и уже в первой лекции в Милвоки я сказал, что Горбачев добивается на Западе для себя сенсации и поэтому он постепенно будет давать еще и еще демократические права своим странам-сателлитам, и весьма вероятно, что через месяц-другой даже берлинская стена будет разрушена.

Я немного ошибся: стену начали рушить уже через пару недель после моего выступления.

Но пресса США восприняла мое предсказание чуть ли не как пророчество, и все американское телевидение дало 45-минутное интервью со мной.

Корреспондент телевидения с удивлением расспрашивал меня, почему я не верю в искренность Горбачева, явно дающего демократические права как народам СССР, так и народам стран восточного блока? Как смог я предсказать разрушение берлинской стены, которое все западные советологи именуют "непредсказуемым явлением, потрясшим весь мир"? Как осмеливаюсь я идти против общественного мнения, восторгающегося Горбачевым, и против традиционно либеральных взглядов еврейского населения США?

Начав отвечать с последнего вопроса, я сказал, что люди, приходящие на мои лекции, аплодируют стоя, что я практически не встречаю возражений, что на улицах меня останавливают незнакомые люди и говорят, что согласны со мной. Все это показывает мне, что так называемое "общественное мнение" в мире вовсе не согласно с мнением радио и телевидения, работающими для публицити Горбачева, что зря радио, левые газеты и телевидение навязывают людям свое мнение и выдают его за общественное.

Путешествуя по США с лекциями, я убеждался много раз, что все слои населения больше всего настроены антикоммунистически. И мнение о "левизне" еврейского населения тоже искажает реальную картину: евреи традиционно либеральны, т.к. это приходит к ним с восприятием Библии, учащей людей моральности и справедливости, но евреи хорошо знают звериный оскал коммунизма и его равнозначность фашизму.

А то, что на телевидении и радио есть много еврейских имен и эти люди высказываются с резким левым уклоном, вовсе не говорит, что эти несколько сотен обманутых или завербованных КГБ журналистов выражают общественное мнение евреев США.

В своих дальнейших ответах я проанализировал ситуацию в мире и мотивы, диктующие Горбачеву его сегодняшнюю политику, воспринимаемую в мире чуть ли не как падение коммунизма.

Прежде всего, я просил вспомнить, что так называемое стремление Горбачева к миру во всем мире и к "демократизации" сопровождается непрерывной поставкой оружия во все районы мира, где СССР ведет подрывную работу (Африка, Центральная Америка, Азия); что вокруг берегов США дежурят атомные подлодки СССР, нацеленные на США, на "врага №1" что в Никарагуа¹ стоят советские бомбардировщики с атомными бомбами, а на Кубе советские ракеты с атомными боеголовками; что в США, по данным их же разведки, оперируют не менее 8000 советских офицеров КГБ, занятых подрывной работой; что СССР сегодня активно разрушает в США, в Европе и других странах свободного (пока еще!) мира мораль, этику и образование молодежи, снабжает ее наркотиками, вербует ее в террористические прокоммунистические организации, снабжаемые оружием из СССР (что установлено официальным расследованием, проведенным сенатором Дентоном); что СССР виновен в непрекращающемся военном конфликте в Ливане и в искусственном натравливании арабов на евреев в Израиле; что из СССР и сегодня идет непрерывный поток оружия в Сирию и в Иорданию, где "миролюбцы" Горбачева готовят будущее военное нападение на Израиль; что СССР сумел сегодня захватить в свои руки большую часть органов информации в мире и через ее каналы ведет дезинформацию; что даже христианскую церковь как средство своей пропаганды захватили в мире агенты влияния КГБ СССР, и сегодня Всемирный Совет Христианских Церквей, получая от КГБ 63 млн. долларов в год, является проповедником коммунистических идей, разлагающих мир ложью; что

крики о перестройке в СССР сопровождаются ростом штатов КГБ и развитием в СССР системы принудительного труда, что в 2500 концлагерях (а частично и лагерях уничтожения, т.к. рабов-арестантов в шахтах по добыче урана убивают облучением) сегодня содержат не менее 7 млн. заключенных; цифру эту признали власти СССР официально.

Напомнив о том, что стоит за спиной "перестройки", я объяснил и то, почему мне так легко было "предсказать" падение берлинской стены.

Анализ происходящего в СССР и в его странах-сателлитах ясно говорит о том, что Горбачеву необходимо убедить страны Запада в том, что и СССР, и его блок идут по пути демократии.

Дело в том, что Горбачев выдвинул план "объединенного европейского дома" для Европы и... СССР. После того, как Европа объединится, уничтожив свои границы, и создаст единую монетарную систему (а это по плану должно произойти к 1992 г.), Горбачев предлагает создать "коммунальную квартиру" — Европа и СССР, чтобы воцарился "мир во всем мире"...

Горбачев, после установки в Европе ракет "Першинг" и введения в оборону Европы нейтронного оружия, понял, что ему не под силу военная оккупация Европы. Отсюда и макиавеллиевский план "объединенного дома"...

Но надо ведь еще убедить свободных европейцев, что такое объединение не будет оккупацией со стороны "демократической" страны!

Вот тут-то и начался спектакль: раньше прибалтийским странам разрешили демонстрации, а потом и действия в сторону отделения от СССР. Это вызвало сенсацию и привлекло внимание всего мира к "перестройке".

Но никто не захотел обратить внимание на то, что одновременно подобная прибалтийской демонстрация в Тбилиси была утоплена в крови железной рукой Горбачева...

За Прибалтикой Горбачев вызвал сенсацию Польша: правительство во главе с некоммунистом!

Потом начались события в Чехословакии... Опять сенсация.

В это время я и сказал на лекции в октябре 1989 г. о делящейся сенсации, вызываемой Горбачевым, и сделал логический вывод о том, что демонстрация немцев в Лейпциге, выброс в мусорный ящик отслужившего свое Хонекера и вызов Кранца к Горбачеву может кончиться разрушением берлинской стены.

Говорил я также о том, что цепная реакция по указанию Горбачева пойдет, конечно, и в Болгарию, и в Румынию. Тут я просил обратить внимание на то, что все

явления "перестройки", как в СССР, так и вне, идут по указке сверху, из Москвы, а народы этих стран выполняют роль статистов в розыгрыше сценария Горбачева: кто иной мог приказать открыть границу беженцам из ГДР через Чехословакию в Австрию? Кто дал команду на разрешение демонстраций и "перестройку" в странах советского блока? Ведь войска СССР и сегодня дислоцированы во всех этих странах, и подавить демонстрации (если бы они не были в плане Горбачева!) было очень просто.

И почему, если Горбачев действительно "разрушает коммунизм", как о нем вещают наивные люди и многие "советологи", он не мог сделать это сразу: объявить в основной речи, что и он, и все народы СССР убедились в том, что система СССР "не работает", и он ликвидирует деспотию, распускает КГБ и войска МВД, ликвидирует антидемократические законы, царящие в СССР, и все вольны жить свободно и провести свободные выборы, начать новую жизнь.

Но нет... Вот мы видим сегодня жуткое развитие спектакля Горбачева в Румынии: он, что, не мог отозвать и выбросить в мусорный ящик истории Чаушеску, как сделал это месяц тому назад с Хонекером или Гусаксом? Мог, конечно. Но всем уже начали приедаться мирные "революции" в других странах советского блока, и вот мы видим гражданскую войну в Румынии и сопротивляющегося Чаушеску, тысячи трупов...

Разве Горбачев не знал, что Чаушеску — выживший из ума деспот? Знал. Но это не помешало Горбачеву несколько месяцев тому назад встречаться с этим сумасшедшим, обниматься и целоваться с ним и обещать ему поддержку.

Но ведь уже тогда Горбачев знал, какая "роль" приготовлена Чаушеску в международном сценарии...

И Горбачева не смущало то, что он ведет эту страну к взрыву, что будут человеческие жертвы. Так же, как он не поколебался уничтожить невинных демонстрантов в Тбилиси и потом свалить вину на своих исполнителей...

Школа Сталина видна во всем этом: вспомним, например, направленное рукой Сталина убийство Кирова и миллионы арестованных и убитых по "делу Кирова", а Сталина, плачущего над гробом Кирова...

Спектакль в Румынии подходит к концу: Чаушеску изловили и казнили. А Горбачев получает прибыли и проценты со всего этого: он защитник демократии и, конечно, не признается в том, что все происшедшее в Румынии входило в его планы.

Но "все тайное становится явным": беглецы из КГБ уже раскрыли Западу сотни престу-

плений Сталина, Брежнева, Хрущева; не за горами день, когда очередной перебежчик из правяще-исполнительных кругов СССР расскажет, даст детали того, как Горбачев направлял "румынские события".

Зачем нужен весь спектакль с "развитием демократических свобод" и народными оvationами, на фоне которых Горбачев ездит по Европе, осыпаясь цветами?

Все это нужно, чтобы усыпить людей в Европе, доказать, что это уже демократическая страна и с ней можно общаться и даже объединяться!

Вот уже и Коль, и Татчер высказались в пользу "объединенного европейского дома" (конечно, "не сразу"), и Буш очень одобрително оценил "перестройку" и действия Горбачева "по демократизации режимов" и сказал, что "недалек день, когда Запад сможет принять СССР в семью свободных наций"... — упаси нас Бог от волка в овечьем стаде, от нового троянского коня...

Не странно ли, что руководители СССР никогда не скрывали своих истинных намерений по отношению к "буржуазному миру" — уничтожить! — а на Западе этого "не замечают"?

Мы помним, с каким презрением еще Ленин говорил о "буржухах", которых надо обмануть и уничтожить, о капиталистах, которые будут рады "продать СССР веревку, на которой мы их и повесим"... Об этом многие писали. Но вот другой документ — директива от 1931 года бывшего заместителя министра иностранных дел СССР Дмитрия Мануйльского: "Война между коммунизмом и капитализмом неизбежна. Сегодня мы недостаточно сильны для атаки. Но наше время придет... Нам нужен элемент неожиданности. Мы должны усыпить буржуазию. А для этого необходимо организовать привлекательное движение "за мир".

Капиталистические страны глупы, они разлагаются и будут рады кооперировать с нами в деле их собственного разрушения; они рады будут еще одной возможности стать нашими друзьями. Но когда их охрана будет уничтожена, мы уничтожим их нашим сжатым кулаком".

Трудно выразить яснее сегодняшнюю политику СССР в мире, а эта "программа" была выдвинута почти 60 лет тому назад.

А развитие подрывной деятельности "движений за мир", оркеструемых из СССР и ведущих к параличу обороны Запада, сегодня яснее, чем прежде. Но это яснее нам, а не тем, кого СССР хочет поработить и нивелировать до состояния СССР!

Спектакль "перестройки" и гласности идет в СССР для иностранцев, "на экспорт": "Там можно теперь говорить все!" — поражаются они.

Далеко не все... Это мы видим на примере Тбилиси, это видим мы из новых арестов, идущих и в Армении, и в республиках Азии, и среди верующих: посмотрите хотя бы на уничтожаемую и сегодня Украинскую Католическую церковь или на преследования незарегистрированных в КГБ баптистов или "свидетелей Иеговы", на существующих в подполье "адвентистов седьмого дня", на разгоняемые еврейские школы иврита в провинции (в Москве, напояз, для иностранцев они существуют открыто...).

Да и бесчисленные "неформальные организации" находятся под недремлющим оком КГБ: его компьютеры (американские...) пополняются все новыми сведениями о вышедших "на поверхность" внутренних врагах, а новые, при Горбачеве принятые, законы о правах МВД разрешают (когда это будет нужно...) обыскивать и арестовывать людей в СССР бесконтрольно.

"Перестройка" в промышленности является блефом, т. к. предприятия не имеют нового оборудования и не могут ни увеличить количество выпускаемой продукции, ни, тем более, поднять качество на старом оборудовании. А кооперативы занимаются перекачкой продуктов с мясобоен и маслозаводов в рестораны по удешевленным ценам или воровством запчастей с заводов для ремонта автомашин. Все это вызывает у населения законное недовольство "капитализмом", хотя этот обман не имеет никакого отношения к капиталистическим формам производства.

Однако Горбачев и тут "убил одним выстрелом двух зайцев": и народу показал, что капитализм — это плохо, и Запад убедил, что в СССР есть "свободная торговая инициатива", т. е. еще один признак демократии...

Зато военная промышленность СССР работает на полную мощность и сегодня и получает из США, Германии, Японии новое оборудование.

И все пропагандистские крики о сокращении вооружения СССР могут быть уничтожены разоблачающим анализом цифр: даже после "разоружения", объявленного Горбачевым, соотношение сил НАТО и СССР остается 1 к 3 в пользу СССР.

И при этом США собираются сократить свои военные расходы на 10 миллиардов (это было объявлено 18.11.89 г.), а Европа требует сокращения сил США в НАТО на 50%...

Недалек тот день, когда Горбачев своими обманными манипуляциями по "сокращению" вооружений СССР и, м.б., сенсационным роспуском военных сил "Варшавского пакта" вынудит западный мир к ликвидации НАТО и обезоружит этим Европу...

Вот тут-то и наступит "мир во всем

мире", и СССР станет хозяином в Европе без единого выстрела, хозяином "объединенного европейского дома".

И тогда СССР, "объединившись", слившись с Европой, вновь станет хозяином и в Латвии, Литве, Эстонии, и в Польше, и в других странах, получающих сегодня временную "свободу", эти страны будут вновь проглочены...

Стоит сегодня поиграть в демократизацию, имея впереди такой куш, как вся Европа, которую можно будет экономически высосать и обескровить.

А Европа в руках СССР обеспечит захватчикам и последующий диктат, шантаж США: ведь окружение атомными ракетами существует уже и сегодня... Что останется США, кроме подчинения условиям СССР?

А в СССР "гласность" спустила "пары" в народе: болтай! — и абсолютно не ослабила власть КГБ. И в США, и в Европе люди пишут и говорят свободно, но "хозяева" там сидят в креслах твердо.

Именно это объяснила, очевидно, г-жа Татчер Горбачеву, когда встречалась с ним еще до его назначения на пост главы СССР. И он понял...

Но и свою "гласность" Горбачев сопровождает организацией штурмовых отрядов КГБ.

Посмотрим заодно на экономическое состояние СССР: изо дня в день исчезают с полок магазинов все новые и новые наименования продуктов и промтоваров — на сегодня из 270 "обязательных" наименований исчезло 245... Уже нет ни мыла, ни зубной пасты, ни спичек, ни сигарет с фильтром, ни электролампочек, ни безвкусной советской обуви, ни страшной "москвошвеевской" одежды... Я уж молчу о мясе и масле...

Но ведь из США, Аргентины, Австралии, Новой Зеландии, Европы идет поток зерна, мяса, масла, яиц, кур...

Идет этот поток не в магазин, не людям, а в траншеи, отрытые в вечной мерзлоте, в Заполярье: это "на случай войны", это "госрезерв"!

Хотя каждому понятно, что никто СССР войной не грозит.

За десятилетия понижения жизненного уровня люди в СССР научились приспосабливаться: и "блат", и огородики, и "несуны". Люди стоят в очередях, что-то и как-то достают, и от голода, как ни странно, не умирают. Но постоянно заняты "доставанием", и поэтому еще одна из целей Горбачева достигнута: нет времени для политики.

Но вот посмотрим попристальней на вопрос исчезновения из магазинов того, что было всегда в изобилии: мыло, например, зубная паста, плохая одежда и обувь. Ведь те же заводы и фабрики, что выпускали все это пару лет назад, работают и сегодня и

выпускают эту продукцию в том же количестве и сегодня! Кто же и почему запрещает давать это в магазины? Тут совершенно ясно, что исчезновение из торговой сети этих товаров искусственное, что это команда сверху.

А Горбачев в декабре 1989 г. заявил, что для него не политические вопросы первостепенны, ему, видите ли, нужно "выдержать экономический экзамен, обеспечить страну продуктами и промтоварами".

Вот ведь как все "совпадает": Западу докажем и покажем демократизацию, а в стране в один прекрасный день вернутся на полки магазинов мыло и долгожданное мясо-масло, и все будут счастливы "изобилию"... Совсем как в том анекдоте, когда посоветовал ребе жаловавшейся на тесноту многодетной семье, ютящейся в однокомнатной избушке, ввести туда козу... А когда завопил хозяин, что жизни совсем не стало, то ребе велел вывести козу из избы, и хозяин был безмерно счастлив жизни на "просторе".

Методы Горбачева просты, и при небольшом анализе все его обманы становятся ясными. Но пресса, радио и телевидение всего мира, захваченные агентами влияния КГБ или прокоммунистическими "полезными идиотами", поют дифирамбы, поставляют ежедневную дезинформацию и настолько искажают подлинную картину происходящего в мире и в СССР, что люди поневоле поддаются обману... Надо еще учесть, что психологически люди устремлены к миру, хотят верить в доброе начало, и поэтому их так привлекают лживые лозунги и обманные действия, когда Горбачев кричит о мире и бросает им приманки.

Если я упомянул о добром начале, лежащем в основе мышления человечества в целом, то уместно будет сказать, что я не верю в добрые побуждения или наивность международного капитала или политиков, обеспечивающих стабильность банков.

Но, может быть, мне лишь мерещится весь этот ужас, и Горбачев искренне хочет добра миру? Вот прочтите подлинные слова из выступления Горбачева в ноябре 1987 г. на закрытом пленуме Политбюро ЦК КПСС: "Товарищи! Не придавайте значения тому, что вы услышите в связи с гласностью, перестройкой и демократизацией в последующие годы. Это будет делаться главным образом для заграницы. А в СССР не будет значительных изменений, произойдут лишь те, которые нам нужны для косметических целей.

А наша задача — это разоружить американцев и усыпить их.

Мы хотим достичь трех целей:

Первая: Это — чтобы американцы забрали свое конвенциональное оружие из Европы;

Вторая: чтобы американцы забрали свое атомное вооружение из Европы;

Третья: чтобы американцы прекратили развитие своей "стратегической противоракетной защиты".³

Прочтя эти слова, вспомните речь Мануильского от 1931 г., полностью совпадающую с

планом Горбачева; проанализируйте сами события последних лет и развитие спектакля, дирижуемого из СССР, спектакля, где каждый акт полон сатанинской хитрости, и судите сами, что ждет доверчивых и наивных... Возможно, конечно, и другое развитие событий: добрая рука Свыше вмешается.

¹В Никарагуа победили на выборах консервативные силы. Останутся ли там советские бомбардировщики?

Прим. ред.

²Католическая церковь не входит в Совет Христианских Церквей. *Прим. ред.*

³Взято из "The Mc Alvaney Intelligence Advisor" 1989. Phoenix.

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Школа. 8-й класс

(Продолжение, см. №№ 49, 50, 51, 52, 55)

На этот самый значительный год развития в моей ранней юности пало и семейное событие, которое заставило меня много думать о верности и доверии супругов друг к другу, об их взаимоотношениях. Мой брат решил развестись со своей женой. Мой брат, инженер путей сообщения, после окончания института устроился в Ленинграде. Женат он был на Вере Петровне Атлантовой, певице. Она не попала на ленинградскую оперную сцену и пела в оперной труппе, выезжавшей в провинцию. Приезжала она и в Псков с ролями Лизы в "Пиковой даме" и Татьяны в "Евгении Онегине". Но я тогда была слишком мала, а потом опера в Псков почему-то не приезжала. Впрочем, первый раз я была в опере в Ленинграде, когда мне было 7 лет, но на дневном представлении "Снегурочки" Римского-Корсакова. На меня эта опера произвела огромное впечатление. Потом уже 14-ти лет, тоже в Ленинграде, я была на "Евгении Онегине", а так слушала оперы лишь по радио. Зато я помню концерт Веры Петровны, когда она пела в Пскове русские народные песни. Они ей особенно хорошо удавались. В семье ее все любили. Она была прелестной, образованной и шармантной женщиной, хотя, как и у всякого живого человека, у нее лицо иногда было прекрасным, а иногда почти некрасивым, все зависело от того внутреннего света, о котором пишет Толстой относительно Наташи Ростовской. У них был сын Игорь, тоже прелестный мальчик. Все было хорошо, пока брат служил в Ленинграде. Но вот вышло новое распоряжение: молодых инженеров — на линию. Брата перевели в Старую Руссу, а его жена не захотела туда переехать, т. к. она продолжала совершенствовать свой голос, а в Старой Руссе вряд ли нашла бы квалифицированных учителей пения. Я не говорю, что Вера Петровна была права: семье трудно жить в территориальном разрыве, но все мы,

мой отец и все сестры, считали, что и брат должен был бы проявить понимание и терпение. Только моя мама винила одну Веру Петровну и оправдывала своего единственного оставшегося в живых сына. Так или иначе, брат ждал год, а потом развелся с женой. Тогда у него уже была новая невеста. Может показаться странным, но он не выбрал себе молодую девушку, хотя им увлекались и женщины много моложе его. Его новая жена, Лидия Александровна, была одних лет с ним, вдова с двумя дочерьми, старшая из них моего возраста. С ней мы быстро подружились. Внешне Лидия Александровна и Вера Петровна имели сходство, обе были темноволосые и темноглазые, высокие, только Л. А. довольно полная. Лицом же она была необыкновенно красива; дочь обрусевшего грека и русской матери, она являла собой тип классической греческой красоты, как античная статуя. Черты лица были безупречны, овал, точеный нос, большие миндалевидные глаза, маленький ротик — ею можно было любоваться часами, как прекрасной скульптурой, пока она не открывала этого своего прекрасного ротика. Л. А. была малообразованной, малокультурной женщиной и в этом отношении полной противоположностью Вере Петровне. Почти ко всему равнодушная, она проявляла только в припадках ревности удивительный темперамент. В первое же посещение нашей семьи она устроила брату сцену ревности вплоть до намерения бежать топить в Великую, хотя никакого повода для этого в тот момент не было. Для меня все это было снова предметом для долгих размышлений и полного резкого отрицания ревности, чувства унижительного как для ревнующего, так и для ревнуемого. Конечно, я теоретизировала, хотя и у меня самой было нечто вроде опыта ревности со стороны Лиды во время ее стараний сделать из меня свою исключительную подругу

Брата вскоре перевели из Старой Руссы в местечко еще более захолустное, но недалеко от Ленинграда. Это был железнодорожный узел, где брат стал начальником дистанции. Работа была нервная. Беспартийный начальник дистанции имел под рукой партийного заместителя, технически мало образованного, но зато политически натасканного. Брат выбивался из сил, чтобы держать линию технически в порядке, постоянно натываясь на проблемы невозможности достать нужные материалы. Если он говорил в центре, что 2000 шпал подгнили и их надо сменить, то ему отпускали 200 новых шпал. "А где же взять недостающие 1800?!" — "А организуйте сами". И за неумелую "организацию" и, тем более, за крушение, возможное при подгнивших шпалах, отвечал бы брат, и весьма сурово.

Близость к Ленинграду могла бы, возможно, сбалансировать брак моего брата с Верой Петровной, если бы он немного пождал. Она могла бы легко часто ездить в Ленинград на уроки пения. Но дело было уже сделано. Старания же брата развить новую жену успеха не имели. Он пытался возить ее в Ленинград в оперу или драматический театр, но ей было скучно, из всех театров она признавала только дешевое варьете. Сына своего брат должен был навещать тайком, т. к. Л. А. ревновала его к бывшей жене и требовала, чтобы он не навещал и сына. Она хотела сама дать ему сына, но родилась дочь, для нее третья, и она потеряла всякий интерес к ребенку. Квартира была казенная и при службе, так что брат мог заскочить время от времени с работы, сделать Гале бутылочку или даже перепеленать ее, в то время как Л. А. лежала на перине и читала душеспасительные романы. Старшие дочери были предоставлены самим себе. Тамара, самая старшая, была доброго, но устойчивого характера и уже совсем самостоятельная. А двенадцатилетняя Людмила росла, как дичок. При этом она в противоположность Тамаре обещала стать такой же красавицей, как и мать, только в "светлом издании", блондинка с серо-голубыми глазами. Придя из школы, она делала себе бутерброд и убегала на улицу. Горячую еду Л. А. готовила только к вечеру.

Я не помню, чтобы в связи с семейными волнениями по поводу развода и новой женитьбы брата затрагивалась религиозная сторона дела. Между тем, брат венчался с Верой Петровной в церкви, развелся же и женился на Л. А., конечно, только граждански. Брат вырос еще до революции, посещал реальное училище и, конечно, учил Закон Божий, ходил в церковь. Но мысль, что брак — таинство, которое нельзя нарушать, ему, кажется, вовсе и не пришла в голову.

Тогда я об этом тоже, конечно, не думала, но потом мне не раз приходилось задумываться, насколько все же безрелигиозна была на деле, в жизни, русская интеллигенция до революции. Я не говорю о революционерах или убежденных атеистах, такими никто из нашей семьи не был, и тем не менее Галю брат тайно крестил, хотя ее год рождения, 1937, был одним из самых страшных. Но пойти один раз на риск ради ребенка, это еще было возможно, работа же над собой, самодисциплина, постоянное преодоление своих обид, желаний и страстей во имя Христа, об этом мало кто думал. Да мало кто думает и теперь.

Расскажу сразу и о судьбе моих сестер. Как я уже упоминала, Таня вышла замуж еще до моего рождения, и мой первый племянник Жоржик был старше меня на полгода. Мои родители предостерегали сестру от этого брака, зная ее. Таня была эффектной красавицей. Позже лицо ее несколько огрубело, но миндалевидные большие серо-зеленые глаза остались очень красивы, фигура была полной, но пропорциональной, ее можно было назвать статной. В 18 же лет она быластройной, настоящей красавицей. Борис Яковлевич был вдвое старше ее и удивительно некрасив. И его я помню из более поздних лет, когда он казался каким-то четырехугольным, с круглой головой и маленькими заплывшими глазками. Тогда он, может быть, был худощавее, но, во всяком случае, почти на голову ниже Тани и с весьма некрасивым лицом. Мои родители не могли себе представить, чтобы этот брак оказался прочным. Но Таня заявила, что она его любит. Борис Яковлевич был еврей, Таня же хотела венчаться в церкви. Он принял крещение, и они венчались. Однако опасения моих родителей оправдались. Жоржику не было еще и двух лет, когда Таня бросила мужа и маленького сына и ушла с "красавцем-мужчиной". Их семья жила тогда уже в Петрограде, куда Борис Яковлевич сумел перевестись по службе. Кирилл Александрович, с которым Таня ушла, был действительно красив, высокий, статный, с красивыми, но неприятными чертами лица. Я его смутно помню, я была тогда еще очень маленькой, а позже не встречала. Он был женат, имел двух дочерей, обещал Тане развестись с женой и жениться на ней. Конечно, теперь дело шло лишь о гражданском браке. И вот снова вопрос: отчего Таня хотела венчаться с Борисом Яковлевичем в церкви? Оттого, что это красиво, что это была еще не совсем изжитая традиция? В таинство брака и она, очевидно, не верила, т. к. легкомысленно разрушила свою семью и хотела разрушить еще чужую семью. А ведь она училась в Николаевском институте, где, конечно, все

воспитание было религиозным. Однако глубокой веры оно не дало, традиционная же религиозность быстро испарилась при новых условиях жизни.

Кирилл Александрович своего обещания не выполнил, он бросил Таню с маленьким сыном и вернулся к своей семье. Так Таня испытала ту же судьбу, которую она уготовила своему мужу и первому сыну. Борис Яковлевич уговаривал ее вернуться к нему после того, как она осталась одна с ребенком. Он говорил, что усыновит Димочку и торжественно обещал не делать между мальчиками разницы и любить Димочку так же, как своего собственного сына. Мои родители уговаривали Таню вернуться к мужу, они были уверены, что Борис Яковлевич исполнит свое обещание. Но Таня не вернулась. Так и росли ее сыновья полусиротами, один без матери, другой без отца. Поскольку Таня должна была работать (она выучилась писать на машинке и работала машинисткой и секретаршей), Димочка намыкался по разным семьям, куда она отдавала его за плату. Она хотела, чтобы мои родители взяли Димочку, и мой отец был согласен, но мама запротестовала. Она была уже не очень молодой, я была еще маленькой и росла болезненным ребенком. Мама сказала, что ей будет слишком тяжело воспитывать еще одного малого ребенка. А жаль. Я бы тогда росла как бы с младшим братом.

Отмечу в этой связи еще одно происшествие. Моим крестным отцом был священник о. Василий. К сожалению, он очень рано умер, мне было тогда всего 4 года. Но я его помню, т. к. он часто бывал у нас в гостях, почему-то всегда один, без жены. После его смерти у нас порвались все связи с его семьей. И вот много лет спустя к нам вдруг пришла матушка, его вдова, она слышала, сказала она, что Таня свободна. Таня в самом деле развелась граждански с Борисом Яковлевичем, но церковного развода у нее не было, да он мог бы быть лишь по требованию ее мужа, т. к. изменила она. А Б. Я. в этом не был заинтересован, он не намеревался еще раз жениться, и жил только для сына.

Матушка сказала, что ее сын, инженер в Златоусте, на Урале, недавно овдовел, жена умерла молодой, осталась маленькая дочь. Ему надо было бы снова жениться, хотя бы уж для ребенка, а он прежде, в совсем молодые годы, увлекался Таней. Вот матушка и решила выступить в роли свахи: не поедет ли Таня к ее сыну? Для обоих детей было бы лучше иметь полную семью. Мама написала Тане, и та согласилась. Незадолго до того, как Таня тогда уже из Ленинграда должна была отправиться в Златоуст, к нам снова зашла очень смущенная матушка и сказала,

что три ночи подряд видела во сне своего покойного мужа, он был очень гневен, стучал в дверь и грозил ей. "Будет ли этот брак счастливым?" — говорила она задумчиво. Но она, вдова священника, думала только о земном счастье. Она не поняла, что ее покойный муж грозил ей потому, что она способствовала греху прелюбодеяния как со стороны Тани, так и со стороны ее сына. Таня была в церковном браке с Б. Я., церковью этот брак не был расторгнут, и она не могла ни с кем вступить в законный с точки зрения церкви брак, сколько бы ни было регистраций в ЗАГСе. Но вдова священника этого не понимала. Чего же можно было ожидать от мирян? Остается вкратце досказать эту печальную историю. Таня и сын священника граждански поженились. Были ли они счастливы, я не знаю. Через 4 года он заболел крупозным воспалением легких и скоропостижно скончался. Таня вернулась с Димочкой в наши края. Что стало с ее падчерицей, я не знаю.

О моей сестре Лене напишу позже. Уже когда я училась в университете, между нами, несмотря на разницу лет, возникла большая дружба, о ней потом и будет речь.

Этот во многом знаменательный для моего развития восьмой класс закончился прекрасной поездкой на каникулы. Мой отец, даже и став доцентом Педвуза, преподавал математику по совместительству в железнодорожном техникуме. Поэтому он имел право на два бесплатных билета в год по железной дороге любой дальности, один на всю семью, другой лично для себя. Мы не могли каждый год совершать длинные путешествия. В СССР они были связаны со всякими трудностями и, прежде всего, с почти полной невозможностью в то время простым советским гражданам останавливаться в гостиницах. Но уже в 1934 г. мы использовали такой билет для поездки в Крым, а в 1936 г. решили съездить на Кавказ. Родные уговорили и приятеля моего отца, художника Рехермахера, о котором я уже упоминала, поехать с нами. Он был преимущественно художником-пейзажистом, хотя писал и портреты, и его сестра говорила ему, что должен же он увидеть и пейзажи южных стран. Вчетвером мы занимали целое купе и днем сидели привольно. Конечно, мы ехали в жестких вагонах, но вечером проводник приносил матрацы, одеяла и постельное белье. А днем верхние полки спускались, и внизу было много места для четырех человек. На станциях брали в чайник кипяток, причем настоящий кипяток, не только горячую воду, которую можно получить на Западе, и заваривали чай. Езда по длинным железнодорожным путям России была уютной, хотя и не такой, как до революции, но все

же часть традиций тогда еще сохранилась. 1936 год был в смысле снабжения лучшим из всех непосредственных предвоенных годов. После страшного голода времени коллективизации как-то удалось подтянуть временно снабжение населения продуктами. Потом оно постоянно ухудшалось. В этот же год не только не было голодных ребятишек, как два года тому назад, но женщины на станциях продавали вареную кукурузу и фрукты. Мама рассказывала, что до революции к окнам вагонов подносили всяческую еду: жареных куриц, котлеты, разные лепешки и пирожные, но по сравнению с 1934 годом и вареная кукуруза уже казалась изобилием, все же продукт питания. Кондукторша, не раз ездившая этой трассой, приходила в вагон и говорила, что вот на следующей станции будет много черешен, стоит купить ведро и разделить потом, дешевле выйдет. Так и делали. На другой станции купили ведро абрикосов. А когда проезжали область немецких поселений, то на станции продавались букеты цветов. Это было поразительно. Только немцы разводили цветы и даже пробовали продавать их. Пассажиры покупали, хотя не знали потом, в какие сосуды можно налить воду, чтобы цветы не завяли сразу, но букеты цветов на станции в советское время были так неожиданны, что хотелось не огорчить тех, кто их принес. От Москвы до Минеральных Вод ехали полтора суток, два дня и одну ночь. И точность транспорта тогда была подтянута, но все же незачем было составлять расписание поездов так, что на одну минуту позже по той же линии за нами шел поезд в Сочи. Когда мы въезжали на станцию, ровно через минуту на параллельный путь въезжал сочинский поезд. На поворотах пути он был виден, ехал он по той же линии, только на станциях въезжал на параллельный путь. Наши плацкарты были в последнем вагоне, и именно к нам приходила молодая симпатичная кондукторша и жаловалась, что она боится, особенно ночью: а вдруг этот поезд все же врежется в наш задний вагон? Не знаю, беспокоились ли мои родители, они ничего не говорили, но я спала великолепно и ничего не боялась.

Но до этого, при пересадке в Москве, с нами произошли два происшествия, достойные упоминания. В то время как мужчины ходили компостировать билеты и стояли в очереди за плацкартами, мы сидели на мягких вокзальных диванах. Т. к. мы ехали ночью через Бологое и не смогли уснуть, я предложила маме поспать на диване. Она уснула, а потом предложила мне немного поспать. Я говорила, что спать не буду, но мама настаивала, говоря, что она отдохнула и не заснет. Я разрешила себе заснуть, но когда я проснулась, мама сладко спала, и

одного чемодана не доставало. К счастью, это был чемодан с нижним бельем, было бы хуже, если б украли чемодан с верхним платьем. Но оказалось совсем не просто купить белье в столице страны социализма. Достали только купальные костюмы, что было, конечно, важно. Мы еще заехали в Смоленск к родным по отцу, и они кое-что уделили, да кое-что удалось купить в Смоленске. Все это было дело случая, вдруг в каком-то магазинчике и можно было найти рубашку. Мы пошли в Москве, на вокзале, в угрозыск сделать заявление о краже, но там только равнодушно пожали плечами: надо было самим следить, что и верно.

Второй случай на том же московском вокзале мог иметь гораздо более опасные последствия. Уже устроив себе билеты и плацкарты, мы должны были еще ждать поезда. Художник, рассматривая публику, заметил чрезвычайно хорошенькую женщину, и ему захотелось набросать ее профиль в свой блокнот. Он открыл блокнот и начал зарисовку карандашом. Вдруг на его плечо легла тяжелая рука: перед ним стоял НКВДист: "Для чего вам нужен план вокзала?" Художника потащили в вокзальный отдел НКВД и настаивали, что он со шпионскими целями чертил план вокзала. Он показывал женский профиль, уверял, что о плане вокзала и не думал, но ему не верили, утверждали, что женский профиль был лишь камуфляжем, а на самом деле он хотел снять план вокзала. От него добивались ответа на вопрос: где он его спрятал? Спасло его своеобразное удостоверение, которое он, наконец догадался вытащить и показать. Дело в том, что Псков считался первой погранзоной. Вся огромная граница страны была разделена на три погранзоны, самая близкая погранполоса, затем вторая, и, наконец, первая, кончавшаяся на сотом километре от границы. Отсюда и высылка семей арестованных на 101-й километр, иными словами, они могли селиться, где хотели, начиная со 101-го километра от границы. Псков, собственно говоря, должен был бы входить в третью погранзону, т. к. от него до тогдашней эстонской границы было всего лишь 15 км, но города исключали из второй и третьей погранзоны и включали в первую. Все мы в паспорте имели штемпель "Житель первой погранзоны" и могли с этим паспортом ездить по всей первой погранзоне, но не смели въезжать во вторую или третью. Наши родные, которые хотели нас посетить, должны были получить специальный пропуск, причем это была ужасная процедура, требовавшая массу справок и времени для ожидания. Художник же, писавший преимущественно пейзажи, имел от псковского НКВД специальное разрешение писать пейзажи вокруг Пско-

ва. Редко он мог спокойно заниматься своим художеством, едва он расставлял мольберт на какой-нибудь полянке или лесной опушке, как уже к нему бежал какой-нибудь деревенский комсомолец-активист и требовал показать разрешение, и он должен был каждому мальчишке его показывать. Но теперь это удостоверение его спасло. Московский НКВДист хмуро посмотрел и отпустил его. Но и художник здорово струхнул, да и было отчего.

В Минеральных Водах мы долго не задержались, а проехали в Пятигорск. В отелях обычным советским гражданам по-прежнему останавливаться было невозможно, но в 1936-м году было уже немало желающих сдать комнату частным образом. Так и в Пятигорске мы нашли комнату. Мы побывали на месте дуэли Лермонтова и в его домике-музее. И совершенно неожиданно для нас самих вскарабкались на Машук. Мамы с нами не было, она много ходить не могла. Но мой отец, художник и я пошли погулять и начали карабкаться по скалам на Машук, думая, что мы только немного подыдемся и потом вернемся. Незаметно мы поднялись довольно высоко, а когда посмотрели вниз, увидели, что здесь мы не спустимся: было слишком круто. Как известно, по крутому склону легче подниматься, чем спускаться. Так мы вынуждены были лезть дальше до самой вершины. Вершина не была скалистой, и туда по спиральной дороге даже автобус возил туристов на вершину. Мы запыхались, и нам очень хотелось пить. Но нигде не было ларька с напитками. Однако в стороне мы обнаружили старую женщину с корзиной, из которой торчали бутылки с лимонадом. Она продала нам лимонад и рассказала, что она таскает пешком тяжелые бутылки, которые покупает в городе в магазинах, чтобы заработать несколько грошей, т. к. и приезжающие на автобусах туристы страдают жаждой. При этом она все время боится, что до нее доберутся и обвинят в спекуляции. Она показала нам более пологий спуск.

Из Пятигорска мы поехали во Владикавказ. Он тогда уже носил отвратительную кличку "Орджоникидзе", но все называли этот прелестный горный городок Владикавказ, это имя ему так подходило, было символичным. И тут мы нашли частные комнаты. Наш железнодорожный билет был круговой, через Баку, Тифлис в Батум. Но мы хотели проехать по Военно-Грузинской дороге, по которой из Владикавказа в Тифлис ходил автобус. Баку нас не интересовало, а эту замечательную дорогу мы хотели посмотреть. Мы уже купили билеты на определенный день на автобус, когда я вдруг заболела. У меня сделался жар, температура поднялась до 40 градусов, но никаких других болезнен-

ных признаков не было, ни простуды, ни желудочно-кишечного заболевания. Пригласили врача, и он ничего не мог определить, дал какое-то жаропонижающее средство и сказал, что надо подождать. Средство не действовало, на другой день у меня была такая же высокая температура. Мы, конечно, не могли поехать с намеченным автобусом. На следующий день мы узнали, что этот автобус попал в горный обвал; благодаря хладнокровию и распорядительности молодой водителиницы все спаслись, но многие пассажиры были ранены камнями. После этого свалился целый кусок горы, и дорога оказалась надолго закрытой. И в тот же день мой жар исчез так же неожиданно, как и появился. Я была снова совершенно здорова.

Проехать по Военно-Грузинской дороге было уже невозможно, но нам сказали, что можно взять такси до обвала и посмотреть самую красивую, горную часть дороги, потом она уже скоро начинает спускаться в равнину. Хотя такси и было дорого, но мы и художник сложились и решили это сделать. Стали искать такси, но не тут-то было! Нам сказали, что такси во Владикавказе существуют только для господ интуристов, а простые советские граждане обойдутся и без такси. "Впрочем,— добавили на станции такси, — вы можете посидеть и подождать около гостиницы для интуристов, если какое-либо такси освободится, а никто из господ иностранцев не будет в нем нуждаться, то вы можете взять такси." Вот мы и сидели на скамеечке, рассматривая разряженных интуристов, признаюсь, с весьма недобрыми чувствами. Но нам повезло. Такси освободилось, и мы могли его взять. Я никогда не забуду этой прекрасной поездки. Что Альпы по сравнению с дикими кавказскими горами и Терекон, который "прыгает как львица с косматой гривой на хребте". Дорога была небезопасна, кое-где произошли небольшие обвалы и путь был узким, в одном месте ловкий шофер разогнал машину и проскочил на двух колесах, тогда как два других временно повисли над пропастью. Это было одно мгновение — к ужасу моей мамы и к моему восхищению.

Потом мы поехали по железной дороге, через Баку, где не останавливались, в Тифлис. От Тифлиса у меня осталось только общее впечатление красоты и обилия прекрасных цветов. Деталей я почему-то не помню, да и задержались мы в Тифлисе короче, чем предполагали, т. к. потеряли дни из-за обвала на Военно-Грузинской дороге.

Из Тифлиса мы выехали вечерним поездом, получили спальные места и дороги, увы, не видели. Утром я проснулась на верхней полке, взглянула в окно и ахнула. Мне показалось, что это не настоящее, а шикарная

декорация: ярко-голубое море, желтый песок и пальмы. В будущем мне пришлось видеть много разных морей, желтого песка и пальм, но такое сочетание: пальмы прямо на желтом песке на берегу моря я видела, пожалуй, только еще в Эль-Арише, на исходе Синайской пустыни.

И в Батуме мы пробыли недолго, поехали в Сухум, где хотели немного отдохнуть и покупаться. Но в Сухуме нам не очень повезло. Комнату вблизи пляжа найти не удалось, приходилось идти довольно далеко и вверх, что было для мамы трудновато. Но это еще полбеды, хуже было то, что сразу же за домиком оказался маленький водоем с малярийными комарами. По неопытности мы этого не заметили. В Сухуме тогда находилась моя двоюродная сестра Нина, дочь маминой сестры, мужа которой, инженера, арестовали. Нина была в возрасте моих сестер. Замужем она была за ученым-биологом, работавшим вместе с врачами над использованием змеиного яда в медицине. Он много ездил по Грузии, Армении и Средней Азии, по областям, где водились ядовитые змеи, особенно страшная гюрза, короткая, толстая, серая, с рожком на голове. Нина часто ездила с ним как секретарша. Теперь же они были в Сухуме, где имелся известный террариум, всей семьей. Сын кузины Додик (Даниил) был на три года моложе меня. Нина зашла к нам, увидела за домом этот маленький пруд и раскричалась на хозяйку: "Немедленно залейте это малярийное место гашеной известью, а иначе я доложу в санитарную инспекцию!" Хозяйка струхнула и очень скоро организовала ликвидацию этого прудика. Но для моего отца это было уже поздно: его укусил малярийный комар. Малярия началась уже дома, в Пскове, и на счастье моего отца, у него было только три припадка, затем немудрящий хинин ликвидировал ее совсем, и она больше не возвращалась, что удивительно, т. к. малярия имеет коварное свойство возвращаться даже через годы.

Плакатное синее море, желтый песок и пальмы мне удивительно скоро приелись. Купанье было тоже не по мне: слишком длинный плоский пляж. Надо было долго тащиться по жаре, чтобы дойти до порядочного глубокого места, где можно было плавать. Я вспоминала, как два года тому назад я в Севастополе прыгала прямо с лесенки в глубину. Это было приятно. Субтропического жаркого и влажного климата я совсем не переносила и, помнится, мы как-то с Додиком, едва волоча ноги по жаркой сухумской улице, неистово мечтали о том, о чем мечтать, вообще говоря, не полагается: об осеннем, мелком, холодном, петербургском дождичке.

Кое-где даже нам, при нашем кратком посещении Грузии, было заметно не очень хорошее отношение некоторых грузин к русским. Совершенно несправедливое, т. к. тогда как раз их соотечественник давил всех. Нина рассказывала больше. К сожалению, нужно признать, что те настроения, которые проявляются теперь, понемногу нарастали уже тогда. Но трудно думать, что это были настроения большинства.

Нина рассказывала также немало не только о романтических ночевках в старинных башнях, где по преданиям водились привидения, но и об обычаях грузин и армян. Она говорила, что женщины у грузин тогда находились все еще в приниженном положении. Так, они однажды были приглашены грузинским врачом на ужин. Какая-то женщина прислуживала, подавала кушанья, но сама за стол не садилась. Они думали, что это прислуга, что этот врач не женат. Но потом оказалось, что это была его жена. Армяне же, напротив, высоко ставили своих жен и женщин вообще. Это звучит немного странно, ввиду того, что крестительницей Грузии была женщина, святая Нина. Но я передаю то, что говорила кузина. Он восклицала, полушутя, полувсерьез: "У меня сын, я посоветую ему жениться на грузинке, она будет за ним ухаживать. Если б у меня была дочь, я бы посоветовала ей выйти замуж за армянина".

Из Сухума мы переехали в Сочи, где хотели провести одну ночь перед возвращением домой. В Сочи мы были поражены большим количеством горожан, предлагавших комнаты для ночлега и сбивавших друг друга цены. Мы нашли хорошее помещение для ночевки, и хозяева были так довольны тем, что мы выбрали их, что принесли нам целую миску прекрасных темных слив из своего сада.

Между моими родителями бывали споры, хотя и не яростные: мама хотела копить деньги, чтобы купить маленький домик с садиком, что и в советское время разрешалось, а отец любил путешествовать. Позже, уже в эмиграции, мама говорила: "Домик мы бы все равно потеряли, а наши воспоминания о поездках останутся с нами до конца жизни". Я тоже рада, что до бегства успела хоть кое-то увидеть в своей стране.

В 9-м классе мы получили двух новых учителей, по математике и по физике. Новый учитель математики, Михаил Александрович, был выпускником псковского педвуза и самым способным учеником моего отца, не без преподавательского таланта, так что мы были вполне удовлетворены. К своей прежней учительнице по физике мы относились хорошо, но выяснилось, что она закончила только учительский институт и имела право препода-

давать лишь в семилетке. В 8-м классе у нас она уже преподавала как бы незаконно. Ее мы жалели и уже потому встретили новую учительницу по физике, Екатерину Петровну, недоброжелательно. Однако мы должны были признать, что предмет она знает и преподавать умеет. Как человек она оставалась нам несимпатичной и, нужно сказать, ничего не делала, чтобы приобрести наше расположение. Ее отношения с классом оставались натянутыми. Забегая вперед, скажу, что в 10-м классе нам вдруг объявили, что наш многолетний классный руководитель, преподаватель русского языка и литературы Василий Алексеевич Гринин сменил и новым классным руководителем будет Екатерина Петровна. Мы были возмущены и приготовились открыть против нее военные действия. Но... она обратилась к нам сама с просьбой поддержать ее и стала вдруг такой очаровательной, что мы опешили. Целый год перед тем она у нас преподавала, а мы даже не подозревали, что у нее столько шарма, что она может быть такой внимательной к ученикам и ученицам. Вместо войны получилось сотрудничество и даже дружеские отношения на уровне учительницы и учеников. Я много думала о том, как иной человек может почти молниеносно завоевать симпатию перед тем плохо к нему настроенной группы людей. Из нежелания быть манипулируемой я пыталась сопротивляться этому новому настроению, но мне не удалось устоять: я так же, как и весь наш класс, стала относиться к нашей новой классной руководительнице с симпатией.

Чтобы закончить повествование о чисто школьных проблемах и об отношениях между учителями и учениками, не игравшими в старших классах той роли, какую они у нас играли в 8-м классе, упомяну об одной студентке-практикантке по физике. Однажды я встретила в трамвае нашего учителя по истории Павла Семеновича — он продолжал быть нашим любимцем, и он сказал мне с доверительным видом, что его дочь, студентка физического факультета, придет практиканткой в наш класс и что она безумно боится первых уроков. Я покровительственно ответила, что он может ее подбодрить, мы ей поможем.

На другой день я, вопреки своему обыкновению, пришла в класс пораньше и заявила: "Ребята, внимание: к нам придет практиканткой дочь Павла Семеновича, Ольга Павловна, очень робкая, она боится первых уроков, ее надо поддержать". Класс шумно согласился. Казавшаяся совсем молоденькой Ольга Павловна так волновалась, что иногда замолкала и не могла сказать ни слова, и класс замирал и терпеливо ждал, пока она справится с собой. Когда она показывала нам опыт,

который мы уже видели и знали, мы делали вид, что видим все это впервые, что мы очень удивлены и нам все чрезвычайно интересно. И ее робость прошла, потом она уже преподавала нормально.

Когда вышла в свет новая конституция, которую потом называли сталинской, мы, 4 подруги, решили проявить политическую зрелость и собрались у нас, у радиогромкоговорителя (даже эти рупоры были в Пскове не у всех, а настоящие приемники лишь у очень немногих), чтобы послушать выступление Сталина. Пришла еще и Мила, одна из одноклассниц. Мы пробовали слушать внимательно, но тяжелый грузинский акцент в соединении с тогдашней плохой техникой делал речь почти совсем непонятной. Нам скоро надоело, мы улавливали лишь некоторые фразы и шутили над ними. Так, Мила выхватила фразу об интеллигенции как прослойке и сказала: "Стоит ли учиться так долго, стараться, чтобы стать... прослойкой!" Я же ответила: "Утешайся тем, что ты теперь вместе с другими составляешь класс". Она округлила на меня и без того большие круглые глаза и воскликнула: "Какой?" Я: "Девятый". Общий хохот. Так из добровольных политзанятий ничего не вышло. Но потом мы попали на недобровольные. Мы пошли на какой-то игровой фильм в кино, и вдруг вместо фильма нам стали показывать эту конституционную речь Сталина. Мы сейчас же хотели потихоньку смыться, но двери оказались закрытыми. Битых 4 часа мы проскучали и уже совершенно сознательно не слушали, хотя техника была лучше и можно было кое-как понять. Я пробовала считать бутылки нарзана, которые Сталин выпил за это время, их все время уносили и приносили новые, но сбилась со счета и все время удивлялась, как человек может вместить такое количество жидкости. Годами позже, когда уже началась война, я была, несмотря на ранний час, на улице около больницы, это было 3-го июля, уличные громкоговорители передавали речь Сталина, когда он в первый раз замурлыкал: "Братья и сестры...", и тут же послышалось бульканье воды, наливаемой в стакан. Как раз пробежала молоденькая медсестра и тоном невыразимого презрения крикнула: "Попей, попей..."

Но когда я прочла новую конституцию, мне сначала показалось, что в ней есть хорошее. Меня сбило с толку то, что в более поздние годы сбивало с толку многих диссидентов, а именно статья о правах и свободах: о свободе слова, печати, собраний и пр. Я тогда не обратила внимания на преамбулу: "Для укрепления и распространения социализма".

Когда я попробовала заговорить о новой конституции с моим отцом, он только

спросил, — как сейчас помню, на ходу, с лейкой в руках, поливая наши многочисленные комнатные цветы, — “А руководящая роль партии записана в новой конституции?” Я ответила утвердительно. “Ну, тогда все останется по-прежнему”, — сказал он. Мой отец был прав. И все же почему он не дал себе труда прочесть и эту соблазнительную статью и объяснить мне значение преамбулы? Его точный глаз математика тотчас же бы заметил ловушку.

Слабые надежды на то, что новая конституция изменит что-либо к лучшему, не меняли эмоционального отношения к строю и к Сталину лично, равно как и к “железному наркомку” Кагановичу, чьи беспощадные глаза смотрели на нас со стен классов и зал, т.к. наша школа была железнодорожной. Еще в 8-м классе мы как-то разговаривали о стихотворении Лермонтова “Печально я гляжу на наше поколение”... и полушутя искали примеров в нашей жизни словам: “И не умеют без боязни ни ненавидеть, ни любить”. Примера любви с боязнью мы не нашли, а как пример ненависти кто-то предложил нашего тогдашнего учителя математики Альфреда Альфредовича. Но это была шутка, мы его и не ненавидели, и не боялись. После я записала в дневник, что я знаю совсем другой пример ненависти и боязни, но не назвала его вслух, да в дневник пока не запишу. Я имела в виду Сталина.

И тем не менее у меня был временный порыв глупейшей ненависти, даже перекрывшей на время ненависть к Сталину, к человеку, который как будто бы и не должен был вызывать ненависть. Это был Ромен Роллан. Его приезд в СССР, его лицемерно-покровительственные похвалы строю и, что еще хуже, назидания нам, что мы должны быть счастливы жить в такой стране, тогда как мы задыхались, вызывали у меня приливы ярости и острой ненависти к этому писателю с мировым именем, живущему на свободе и вталкивающему нас своими словами еще глубже в страшное засасывающее болото, из которого нет выхода. Как он смеет, ничего не зная, ничего не понимая или... продавшись им? Сталин был враг №1, здесь все было ясно. Но этот предатель человечности! Зато какую радость, какое облегчение мы ощутили, когда услышали, что Андре Жид, вернувшись, написал хоть отчасти правду.

Уже в эмиграции Ф. А. Степун рассказал мне, что Ромена Роллана сбила с толку его жена. До революции она была гувернанткой в России, в какой-то аристократической семье, вышла там замуж за старого русского князя и скоро овдовела. Уже во Франции она вышла замуж за Роллана. Ее сентиментальные склонности к стране ее первого мужа превратились в странный совпатриотизм,

который, казалось, был не к лицу бывшей княгине. Она и потащила своего второго мужа в СССР. Там жил еще в крайней нищете родственник ее первого мужа, тоже какой-то князь. Ролланы выразили желание его увидеть. Князя разыскали, приодели, наскоро подкормили и предъявили Ролланам. Они выразили желание, чтобы он посетил их в Париже. И эту просьбу столь важного для советской пропаганды гостя можно было удовлетворить. Несколько позже этот князь ехал через Германию в Париж и по дороге остановился у живших тогда в Дрездене Степунов. С гордостью он привез им подарок: целый чемодан ржаных сухарей! Степуны моргали глазами и не могли понять, что сей сон значит, а князь, в свою очередь, опешил. Советские газеты тогда писали, что в Германии господствует такой голод, что люди падают на улицах городов и умирают от голода. Я помню это и помню, как я подсмеивалась, не веря ни одному слову этой пропаганды. А вот старый князь поверил! Он хотел спасти Степунов от голодной смерти... ржаными сухарями! Между тем, в отношении бытовой жизни 1936 и большая часть 1937-го года были в Германии очень хорошими. Безработица была ликвидирована, снабжение было хорошим, лозунг Геринга “Пушки вместо масла” еще не начал действовать. Отчего мы, подростки, родившиеся и выросшие при советской власти, не верили ее пропаганде, а старые аристократы, имевшие возможность в зрелом возрасте наблюдать ее становление, ее жестокости и ее ложь с самого первого дня, попадались на удочку пропаганды?

Мне было уже 15 лет, и я по возрасту могла вступить в комсомол. У нас в классе было 65% комсомольцев и 35% вне комсомола, я хорошо помню визуальную диаграмму на стене в классе. Комсомольских активистов у нас в классе, однако, не было. Никто не пробовал оказывать на меня давление. В 10-м же классе, первом в нашей школе, сделавшейся теперь и фактически десятилетней, была яркая активистка Соня. Как-то она, пробегаая мимо меня и Вали на перемене, приостановилась и обратилась ко мне: “Когда же ты вступишь в комсомол? Все подруги в комсомоле”. Как оборонное оружие я опять выставила свои болезни, хотя этот аргумент становился не очень убедительным: мой дифтерит осенью 1935 года был моей последней болезнью, и после него я ни в 8-м, ни в 9-м классе не болела. Но я все же заговорила о том, как часто я раньше болела и не могла нести общественной нагрузки, а комсомол без общественной нагрузки — что же это было бы такое? Теперь я, правда, меньше болею, но надо еще обождать. Валя меня сейчас же поддержала: “В самом деле,

она же не знала, что перестанет болеть". Соня отстала и больше не приставала. Позже Катя как-то сказала: "Вера, если ты хочешь в комсомол, то лучше еще в школе, здесь мы все можем поручиться, в университете будет труднее". За меня ответила тут же стоявшая Валя: "Вера никогда не пойдет в комсомол". Я промолчала, что было знаком согласия. Катя, конечно, не настаивала.

И тем не менее, у меня было короткое искушение. Как объяснить его в свете сказанного о моем отношении к советской власти, к Сталину? Причины носили локальный характер. Если б вокруг меня были комсомольцы и комсомолки вроде Сони, активисты, с которыми я чувствовала отвращение, мне бы такая мысль и в голову не пришла. Но в своем классе, с которым я тогда уже сжилась и считала себя его частью, не было активистов. Ни от одного из наших комсомольцев или комсомолок я не слышала ни защиты марксизма-ленинизма, ни восхваления советской власти. Об этом просто не говорили. Так создавалась иллюзия, что можно делать что-то полезное в местном масштабе, теснее включиться в группу, большинство которой все же было в комсомоле, и при этом ничем не запачкаться. Странное, почти островное положение нашей школы и особенно нашего класса смазывало контуры настоящего комсомола. "В университете будет иначе", — сказала Катя, имея в виду трудность поступления в комсомол. Но в университете оказалось иначе совсем в другом смысле, и сама Катя безумно жалела, что в школе вступила в комсомол.

Так или иначе, я как-то, полная внутренних сомнений, сказала моему отцу: "Папа, а что если я пойду в комсомол?" Мой отец ответил педагогически правильно — для того момента: "Ты в 15 лет еще слишком молода для политики. Если ты через три года будешь еще хотеть поступить в комсомол, я не буду возражать". Я почувствовала облегчение — в самом деле, отложим решение. Трех лет не надо было, уже и через полгода у меня не было и тени желания вступить в комсомол. И все же я спрашиваю себя, отчего мой отец потом не поговорил со мной, не разъяснил мне, что на маленьком островочке нашей школы не удержишься. Или было лучше, что я сама до всего дошла?

Первый выпуск нашей школы был торжественным актом, мы, уже на границе 10 класса, конечно, тоже присутствовали. От выпускников выступала активистка Соня. Она ни словом не поблагодарила школу, учителей, старавшихся нам что-то дать, но расточала восторженную благодарность партии и правительству. Я слушала с отвращением и давала в душе слово, что в будущем году,

на нашем выпуске, мы не скажем ни слова благодарности партии и правительству. Мне не пришлось нарушить этого слова.

Далекie поездки мы могли совершать, конечно, только изредка. Обычно мы проводили лето в одной из деревень под Псковом, и ряд последних лет в одной и той же деревне. С собачкой и кошечкой, с разным барахлом мы отправлялись на возу в деревню (когда мы уезжали далеко, в нашей квартире жили знакомые и смотрели за животными). Лошадь наш хозяин брал напрокат в колхозе, это ему удавалось. Сдавали они нам летнюю половину избы, оставаясь сами и на лето в зимней. Там бывало временами жарко, т.е. приходилось и летом топить печь, чтобы готовить пищу. Мы же привозили с собой примус и готовили на примусе. Деревня была староверской и, нужно сказать, более подтянутой и чистой, чем "мирская", как говорили староверы, на другой стороне реки. Уже одно то, что в избе запрещалось курить, было хорошо для детей, оставляло воздух чистым и не закапчивало стены. У них сохранялась еще большая моральная стойкость. Меня тогда очень поразил один случай. В молодой семье, где было уже трое детей — детей тогда у крестьян было еще много, 6 или 7 не было редкостью — жена забеременела. Т.к. она чувствовала себя плохо, она пошла в город к врачу (средств сообщения с городом не было, но железнодорожная станция была в трех километрах, или же ходили в город все 12 километров пешком). У нее нашли туберкулез и предложили ей сделать аборт, т.к. только тогда была надежда на ее спасение. Ей сказали, что ребенок родится сам здоровым, но высосет из нее все силы, и ее невозможно будет спасти. Молодая женщина, мать троих детей, твердо ответила, что убивать ребенка она не имеет права. Ребенок должен жить, а там, что Бог даст. Она выносила и родила здорового ребенка, а сама умерла. Молодой вдовец поставил на маленьком кладбище огромный крест, трогательно ухаживал за могилой и заботился о детях, взяв в избу немолодую женщину для присмотра за детьми. Кстати, кладбище было прекрасное, на возвышенности, среди старых огромных сосен, на одной из которых было гнездо аиста. Часто можно было наблюдать, как аист, ясно выделяясь на прозрачном вечернем небе, нес в гнездо извивавшуюся в его клюве змею.

Деревня, состоявшая из 40 дворов, руководилась одной семьей. Помню еще отца-патриарха и его 12 сыновей, живших с их семьями в этой деревне. Я рада, что смогла подростком познакомиться с одним из лучших представителей русского крестьянства, неграмотным, умным, нет, мудрым стариком, истинным патриархом, авторитету которого

подчинялись уже немолодые сыновья и взрослые внуки и внучки, который, однако, никого не давил, не тиранил, а решал проблемы вдумчиво, после длительного обсуждения с теми родственниками, которых они касались. Уже тогда я поняла, что поверхностная грамотность не только не придает ума, не говоря уж о мудрости, но нередко лишает и того ума, который был. Мудрость возникает от наблюдения жизни, природы и погружения в молитву. Помню я и смерть уже очень старого патриарха. Вся деревня тогда сбегалась, не только сыновья и их семьи. Умер он достойно, тихо, погруженным в молитву.

Деревня была дружная, и, несмотря на колхоз, она не нищенствовала. Ясно, коров было столько же, сколько и дворов, т.е. 40, тогда как прежде самые бедные имели по две коровы. Общеколхозных коров не было вообще и вместо минимум 40 лошадей, хоть по одной в каждом дворе, было 9 колхозных лошадей. Тем не менее, хотя бы не голодали,

во всяком случае — члены большой семьи. У одного из младших сыновей патриарха мы и снимали летнюю избу. Пропал только один брат. Во время Первой мировой войны он был в германском плену и с уважением отзывался о крепких немецких хозяйствах. Он открыто ждал прихода немцев, конечно, не понимая, что это были бы уже другие немцы, и открыто говорил: "Вот придут немцы, распустят проклятые колхозы, и снова у нас будут хозяйства". Доносчик все же нашелся, его арестовали, и он пропал без вести. Оставшиеся братья и их семьи помогали осиротевшей семье. Другим семьям в деревне жилось хуже, у них не было такой крепкой круговой поруки, как у 12-ти братьев.

Мне навсегда запомнилось, как 17-летняя девушка из более нуждавшейся семьи с выражением непередаваемой тоски мне как-то сказала: "Мне бы хоть во сне раз увидеть, как жилось прежде, при царе, как мама рассказывает".

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Континент" №61. В длинном эссе "Конец Великого Княжества" Ч. Милош немало нас изумляет. Отдавая должное краю, составлявшему некогда Великое Княжество Литовское, обладающему "редким богатством переплетенных национальных, вероисповедных, классовых нитей и богатейшей историей", он находит, что эта территория "должна бы была вдохновить многих писателей", и лирически вздыхает: "Что же поделать, если их не было".

Поистине, на это Литва никак не может пожаловаться! По части воспевавших ее поэтов и прозаиков, — и каких! — она вправе плакаться разве что на *embarras de richesse*. Величайший из польских и один из признанных поэтов мирового значения А. Мицкевич посвятил ей все свои главные вещи и обратился к ней в "Пане Тадеуше" с трогательными словами, хорошо знакомыми русской интеллигенции:

Литва, отчизна дорогая!

Ты как здоровье: лишь в твоём

Лишенье, все с тобой теряя,

Тебе мы цену познаём.

Один из самых талантливых романистов Польши и опять-таки исторический романист мирового значения Г. Сенкевич именно в литовские леса перенес значительную часть действия своей эпопеи "Меченосцы". Другой, следующий за ним по рангу, исторический романист И. Крашевский сделал давнее прошлое Литвы сюжетом вряд ли не лучшей

своей, — хоть и небольшой по объему, — повести "Кунигас". О более близких к нам временам рассказывает писательница Э. Ожешко в бытовом романе "Над Неманом". И все это — в рамках одной лишь польской литературы!

Белорусская зародилась именно в княжестве, простиравшемся ведь некогда аж до Смоленска и охватывавшем также порядочную долю Украины. Но даже если концентрировать преимущественное или пускай исключительное внимание на судьбе Виленщины, как склонен делать Милош, нельзя не упомянуть М. Богдановича, нередко обращавшегося в своих стихах к картинам тамошних нравов эпохи Средневековья и Возрождения; как впрочем делал и современный подсоветский романист В. Короткевич.

Литовская литература — та уж, конечно, занимается главным образом Литвой; и в ней замечательного немало. Но не стоит эту тему затрагивать; к литовцам, мы знаем, у г-на Милоша отношение однозначное: он считает, что их следовало целиком полонизировать, так, чтобы от их языка (незнание которого он с непонятной гордостью подчеркивает) и от их традиций и духу бы не осталось (см. наш обзор в №53 "Голоса Зарубежья"). Цедя о них сквозь зубы несколько слов (поскольку они, как факт, все же существуют), он их иронически характеризует термином "хозяйственные".

Не вовсе забыла белорусские пущи и

топи и русская литература; вспомним купринскую "Олесю" и тургеневскую "Поездку в Полесье" (не говоря уже об исторических романах Минцлова и Вс. Соловьева).

Может быть, впрочем, автора эссе интересует **только** период в два десятка лет, когда Вильна была присоединена к Польше; но такой подход нелогичен, — и уж совсем не соответствует названию его работы!

Однако основная-то задача "Конца Великого Княжества" состоит в том, чтобы излить неодобрение и осуждение, вызываемые у автора творчеством двух современных нам, хотя, увы, уже и скончавшихся писателей: Ю. Мацкевича и его жены Б. Топорской, которое как раз имело своим фоном Виленщину и притом недавних военных лет. Раздражение против них Милоша неудивительно: их сочинения проникнуты сочувствием и интересом ко всем народностям Великого Княжества, вне зависимости от веры, языка или обычаев; тогда как Милошу свойственно агрессивно противопоставлять, в первую очередь, поляков всем остальным (к большой невыгоде для самих поляков, прибавим!). Скажем, тем не менее, с уверенностью, что именно их творения будут жить долго, их слава и любовь к ним публики будут расти; вряд ли потомство не поставит их выше, чем — по разным мотивам — раздуваемую сейчас известность г-на Милоша.

Каковой продолжает поражать нас сентенциями вроде следующей: "Столкновения между католиками и православными... означали выбор не столько национальный — быть поляком или белорусом, — сколько государственный — за Польшу или за Советы". **За Советы**, сознательно, могли стоять лишь атеисты, а бессознательно — лишь дураки: расправа над верующими в СССР была ни для кого не секретом.

Надменно враждебный равно литовцам и белоруссам, Милош вроде бы сочувствует евреям... но вспоминает о них такое, чего бы лучше не надо: "советские танки, окруженные восторженной толпой еврейской молодежи".

Однако, не будем отвлекаться от основной линии разбираемой статьи, от литературной критики произведений Ю. Мацкевича и оценки его политических взглядов. Неприятно читать грубые и развязные, а главное, — по какому праву?! — чванливые, сверху вниз отзывы типа: "из тех, чей кривоватый нос будто в рюмку заглядывает... он мог бы сойти за серенького мелкого шляхтича". Но если и можно простить подобные замечания о покойном коллеге, носящие лично оскорбительный характер, то никак уж немислимо оправдать пренебрежительные суждения о его политических воззрениях!

Мацкевич, один из немногих, видел совер-

шенно ясно, что происходит, в период второй мировой войны: видел, что идет борьба коммунистов и антикоммунистов, в первую голову; что западные союзники никогда не придут на помощь ни полякам, ни балтийцам, чья судьба им абсолютно безразлична. Не зря главный персонаж его романа "Nie trzeba glosno mówić" заявляет, что готов бороться против немцев, — но отнюдь не в союзе с большевиками!

До этой политической мудрости Милош не сумел дойти ни в ту эпоху, ни теперь. О чем он сам свидетельствует, рассказывая о своей прежней близости к социалистам и восторженно описывая очаровательных (хотя физически и малопривлекательных...) девушек своей молодости, фанатически преданных идее коммунизма... Да, с подобными людьми, конечно, Мацкевичу было не по пути!

Таких он жестоко высмеивал; и быть может, в портретах просоветски настроенных польских интеллигентов, набросанных им в своих романах, Милош почуял сходство с собою, что не могло не усугубить его вражды к покойному брату. Он однако признает в том большого, талантливого мастера литературы, — да ведь и трудно не признать! — и нехотя отвергает обвинение в коллаборации, построенное на том, что он-де **помогал немцам**, разоблачая факт, что польских офицеров в Катини расстреливали не гестаповцы, а чистой воды чекисты! Зато он не колеблется обругать Мацкевича **склочником**...

Пару слов о языке перевода, сделанного Н. Горбаневской. Поистине, и "Континенту", и лично ей 7 грехов простится за то, что она пишет **Карибские** острова, вместо чудовищных **Карибских**, какими нас пичкают большевики в союзе с обамериканившимися эмигрантами в США! Но зачем она употребляет неуклюжую и несклоняемую форму среднего рода **Вильно**? Насколько же изящнее и удобнее традиционное русское название **Вильна**, в женском роде, гораздо лучше подходящее к характеру данного города!

О художественной части журнала много не скажешь:

О поле, поле! Кто тебя

Усеял мертвыми костями?

В области рассказов, "Летом в воскресный день" А. Наймана — отталкивающий кошмар, загроможденный неправдоподобными ужасами. "Ночь без происшествий" Ю. Лапидуса — кошмар давящий, нудный и бессвязный. "Маршальская звезда" Ю. Эдлisa — скучная история, которую порядком портит притом **реализм** в современном стиле (например, без особой нужды вновь и вновь повторяемое слово **попка**).

Стихи — сплошь посредственные. Такие печатаются, чтобы занять место; а ни публике,

ни критике они не занимательны. Сделаем исключение для подборки стихов И. Бродского (свидетельствующей, впрочем, об упадке его таланта). Знаменательно, что 2 имени в номере, имеющие некоторый авторитет, Бродский и Милош, принадлежат ярим русофобам. Кто поверит, что журнал начинался как **патриотический**, в котором планировалось участие Солженицына!

Отметим, что "Континент" упорно держится за самые глупые причуды советской орфографии, включая и те, которые эта последняя сама отвергла. В "Маршальской звезде" читаем: "в Вспольном". Мыслимо ли сию комбинацию произнести?! И почему бы не написать: "во Вспольном"? В "Ночи без происшествий": "Он забыл себя на двухнедельной раскладушке в Чертаново и в январском холоде нового неотапливаемого дома в Ясеново". Теперь даже у большевиков это бросили и пишут правильно: в **Шахматове**, во **Внукове** и т. п.

С. Довлатов в своих заметках из записной книжки рассказывает о поэтессе Грудининой, которую исключили из партии за неудачные стихи о Сталине. Речь явно о Наташе Грудининой, с которой я когда-то вместе учился в ЛГУ. Не везет ей со стихами! Ее и тогда чуть не вышибли из университета за несозвучные духу времени мотивы. Но эту историю, куда был замешан небезызвестный профессор Гуковский, не стану тут пересказывать. Скажу только, что в те годы я не сумел бы себе вообразить Грудинину членом партии!

В. Максимов с ликованием публикует "Обращение" Кельнского Клуба, из коего видно, что он сам, Владимов и Плющ нашли общий язык с партизанами перестройки, как Стреляный и Эйдельман. Ни одного крупного имени писателя или общественного деятеля под сей декларацией не стоит, да им бы тут и не место.

"Форум" №20. Орган воинствующих украинских самостийников, открыто и иступленно враждебный России как государству и русскому племени как национальности, воскуривает фимиам и воздаст хвалы Горбачеву. Как выражается малоросс из анекдотов: "Це дило треба розжувати!" И кто фигурирует в сих странных комбинациях? Р. Орлова до конца застыла в непрошедшем для нее сталинском времени. Гласность для нее означала возможность ознакомиться с творчеством Фейхтвангера, Сартра и таких столпов западного морального разложения, как Белль, Гессе и Хемингуэй, куда ни шло, Набоков. Ее горизонт был ограничен кругами левой интеллигенции, в СССР и за границей. Вырваться в иную сферу ей было не дано, прожила она и до ста лет. Время оставило ее за бортом, далеко от идущих сейчас

процессов.

Н. Эйдельман поносит старую Россию и, как полагается, восхищается генсеком Михаилом Сергеевичем. Он, в принципе, за реабилитацию Солженицына, но строго оговаривается, что только — в роли автора "Ивана Денисовича" и "Архипелага"; ибо: "Мне, например, не очень нравится его последняя вещь". Тут все ясно, конечно: можно осуждать культ личности, но ни в коем случае не критиковать революцию! По счастью, однако, Солженицын-то не связал себя канонем, который пытались ему навязать лжедрузья, всякого рода адепты **коммунизма с человеческим лицом**.

К: Икрамов, сын видного узбекского коммуниста, врет в классической манере сталинского деревенского языка: дореволюционный Туркестан был "задавленной и голодающей колонией" (!). Спросить любого рядового узбека или таджика, как жилось в Ташкенте до и как после революции — услышишь совсем иное.

Латвийская писательница В. Белшевиц вполне определенно очерчивает свой портрет: сперва была фанатичной большевичкой (когда Сталина разоблачили, пыталась отравиться); потом (ибо природа не терпит пустоты) сделалась яростной националисткой, для которой главное — ненависть к русским. Такие люди всюду есть и всюду вредны, ибо дискредитируют в первую очередь идеи своего лагеря, толкая его на путь экстремизма и эксцессов.

Nota Bene. Икрамов и Эйдельман дружно громят "Память", охотно объединяя под ее именем всех русских патриотов в целом. Им непереносима мысль о Возрождении России, о ее возврате к подлинным историческим ценностям. Но мы должны себе ставить вопрос: надо ли идти в ту сторону, куда настойчиво пихают заведомые наши недруги, мечтающие о нашей гибели?

"Православный Путь" за 1988 год. Надо отдать должное ежегоднику, являющемуся приложением к журналу "Православная Русь": он не боится ставить важные и острые проблемы и давать на них ответ.

Б. Р. П. в статье "Русская идея и идея монархизма" высказывает следующие мысли: "Россия страдает за всех, и ее страдания, можно сказать, урок для всего мира... Громяхая по всевозможным "демократическим" ухабам, купаясь в крови, в этом, оказывается, все достоинства нынешней "демократии" или, вернее сказать, "лжедемократии", мир неуклонно стремится к какому-то неведомому, но страшному завтра, готовя себе в "демократическом" угаре гибель по всем правилам нынешней высшей науки и техники. Он уже на краю пропасти". Автор убедительно аргументирует необходимость

восстановления на нашей родине монархии, заканчивая, однако, следующими пессимистическими словами: "Но нельзя не предвидеть и всех препон, какие будут ставиться в противодействие восстановлению монархии в России всех типов демократией, создавшей нынешний хаос в мире".

Н. Помазанская в статье "Сумерки бездуховной науки" констатирует, что "в XX веке наука оказалась в тупике", и разбирает современный кризис материализма и дарвинизма, опираясь главным образом на взгляды В. Тростникова.

Рецензируя книгу М. Азкула "The Teaching of the Holy Orthodox Church", архимандрит А. Погодин чрезвычайно интересно и глубоко анализирует вопрос о падении Сатаны, привлекая к делу не только данные Священного Писания, но и указания Корана.

Н. Воейков сравнивает Святого Владимира с Карлом Великим и отдает ему пальму первенства — ибо западный император насаждал христианство огнем и мечом, а киевский князь мирным путем — и останавливается в деталях на культурном развитии Руси после крещения.

"Символ" №21. "Журнал христианской культуры при Славянской Библиотеке в Париже" предлагает нам богатый материал богословского и исторического содержания. Наиболее интересен отдел "Из истории русской общественной и религиозной мысли". В нем В. Никитин сравнивает взгляды Гоголя и Федорова, а А. Никитин изучает церковные сношения России с Францией, начиная со времен Анны Ярославны. Особенно подробно он останавливается на положении французских эмигрантов, католиков и, в первую очередь, протестантов, в России с периода Московской Руси и до наших дней.

В большом эссе Р. Темпеста, посвященном Кюстину, автор, несмотря на свою явную симпатию к маркизу Астольфу, откровенно рассказывает о его извращенных вкусах и о скандале, закрывшем ему двери в парижское приличное общество. Как мы узнаем отсюда, Гейне, с присущим ему язвительным остроумием, прозвал его **полулитератором**, un demi-homme de lettres, что может по-французски иметь и иной, не совсем красивый смысл. Темпест признает, что книга Кюстина о России содержит "много грубых ошибок" и что "русский патриот мог в ней найти "доказательство презрительного отношения к России". Недаром она сразу и вызвала возмущение у его современников, Вяземского, Жуковского и А. Тургенева. Жаль, что в тексте данного очерка встречаются в изобилии досадные ошибки. Например, герцог Лейхтенбергский многократно назван **Лехтенбергским**, кашемирская царица Лалла Рук получила имя **Лалла Рух**, а фригийская богиня Кивела

превратилась в **Сибель** (!).

"22" №65. Имеем вопрос к редакции журнала. В №60 З. Бар-Селла обещал раскрыть нам имя настоящего автора "Тихого Дона", предупреждая, что не Крюкова. Но где же окончание его весьма и весьма заинтересовавшего нас этюда?

В превосходном эссе "Из записок оле" А. Воин разбирает развивающуюся на Западе **новую ментальность**: "Ментальность эта, как мне представляется, родилась на скрещении вульгаризованного фрейдизма и экзистенциализма с пресловутой **сексуальной революцией**... Да, идет наступление **новой ментальности** на людей, и пользуется она при этом всеми средствами купленных и растленных печати, искусства и науки".

Возражая Шафаревичу по поводу книги "Русофобия", Б. Парамонов следующим образом защищает "авторов, теоретически обосновывающих русофобию": "У них есть одно, так сказать, негативное достоинство, которым по определению не обладает Шафаревич и которое позволяет им видеть то, что он сам не видит: это, скажем так, прохладное отношение к России, неослепленность любовью, способствующие зоркости взгляда".

Следуя логике Парамонова, ненависть (ибо **прохладное отношение** есть в данном случае эвфемизм для понятия **накаленная злоба**) помогает видеть. Тогда, скажем, национал-социалисты, считавшие все народы, кроме германского, низшей расой, должны были быть блестящими этнологами, американские расисты, истреблявшие индейцев и торговавшие неграми, были, очевидно, проникательными реалистами (а вот защитники данных категорий, те являлись слюнтявыми гуманистами). Но тогда, пожалуй, последовательные антисемиты (имеем в виду подлинных, а не тех, кому сей ярлык навешивают) — лучше всех на свете разбираются в национальном характере и в исторических судьбах евреев?

Нет уж, Бог с нею, с такою логикой. Любовь всегда умнее ненависти. Вот если любовь к своему народу вырождается в ненависть к какому-то другому, **тогда** она порождает слепоту. Которой и страдают русофобы (коль скоро они искренни, а не просто говорят то, за что хорошо платят). Не хочется нам употреблять слишком сильных слов; но от научных построений г-на Парамонова пахнет серой. Именно такие подсказывает людям Отец Лжи, ибо желает вместо мира на земле иметь раздор.

Любопытно и то, в чем Парамонов нас, русских, обвиняет: "Русское сознание — не современное, не секуляризованное, наполненное опасными предрассудками". Исходя из контекста, под **предрассудками** он подразумевает христианство.

И №66. Лучше бы его не было. Эссе

А. Зиновьева под неприличным, омерзительным заглавием, которое мы отказываемся здесь воспроизвести из уважения к читателям, есть в целом нечто смрадное. Жалкое, уродливое ломание не лишенного от природы способностей человека легко объяснимо: он оторвался ото всякой почвы, ему больше никто не сочувствует; вот он и старается привлечь к себе внимание непристойными выходками.

О стихотворении Ч. Милоша "Сотворение мира" скажем словами Пушкина, что поэзия тут и не ночевала. Перед нами декадентские выверты самого дурного тона, оставляющие крайне неприятное впечатление.

Семиотические упражнения У. Эко (автора романа "Имя розы") "О языке рая" не имеют ни научной, ни художественной, ни какой-либо иной ценности.

Остальные материалы посвящены специфическим вопросам, представляющим интерес только для евреев, и в частности, израильтян, но отнюдь не для российской эмиграции в широком смысле слова.

"Кадетская Переключка" № 46. Журнал переменял окраску и из горбачевского стал огурцовским! Что мы от души приветствуем. Воспроизведен на почетном месте пространственный доклад И. Огурцова в Вашингтоне 10 июля 1989, заканчивающийся оптимистической фразой: "Я думаю, что мы недалеко от того момента, когда мы сможем встретиться в Москве и Петербурге, Киеве и Харькове и вспомнить наш сегодняшний вечер". Дай Бог, конечно! Удивляет, однако, полное отсутствие упоминания о форме правления, какую мы должны желать и вправе ожидать для будущей освобожденной России.

Правда, неисправимый С. Третьяков в статье "Насущные реформы" продолжает бубнить хвалы генсеку Михаилу Сергеевичу. Впрочем, он больше занят разбором повестей "Ночевала тучка золотая" Приставкина и "Плаха" Айтматова, а отчасти и романа "Дети Арбата" Рыбакова. Гораздо более подробно разбирает этот последний П. Пагануцци в специальной статье; но это уже не разбор, а разнос, грубый и во многом несправедливый. Кстати, весьма сомнительна предлагаемая здесь этимология названия **Арбат** от **арба**; скорее оно произошло от арабского *ghabad* "предместье".

В. Зарубин горячо защищает "Память", которую на Западе принято бранить: "Сомнениями критикующих "Память" мы решительно не можем согласиться, — пишет он. — Нам кажется, что само стихийное возникновение этого русского патриотического объединения свидетельствует о том, что 70 лет коммунистического интернационального рабства не сумели подавить здоровый национальный инстинкт нашего народа".

По поводу 70-летия со дня убийства

князя В. Палея, сына Великого Князя Павла Александровича, княгиня Ирина Павловна дает его краткую биографию, сопровождаемую одним из его стихотворений, не из самых у него удачных, но типичным по интонации и ритму. Он был действительно талантливый поэт, и если бы не смерть в 21 год, имя его, вероятно, было бы гораздо лучше известно публике.

И № 47. В статье "Социализм" С. Третьяков сильно преувеличивает экономическую эволюцию в Венгрии и Китае. Как говорится: "Рано пташечка запела!" Он же в статье "Единая Русь" правильно ратует за единство России, справедливо констатируя: "А в полной свободе развития местных национальных особенностей и национальных культур всех нацменьшинств в будущей свободной России не может быть никаких сомнений. Будет и полная религиозная свобода". Наряду с тем, — не зря ли он радуется тому, что по всей Украине местный язык отступает перед русским? Уничтожение украинского языка не является нужным для Российской Империи и не составляет поставленной ею себе цели.

Журнал перепечатывает с сочувственным примечанием из "Нашего современника" письмо В. Солоухина по поводу "Мемориала" — "Почему я не подписался под тем письмом", уже знакомое нашим читателям.

"Страна и Мир" № 4 (52). Мало тут интересного. Отметим прекрасное письмо в редакцию А. Серебренникова в связи с интервью, взятым у Р. Медведева: "Его заявление о том, что памятники надлежит ставить лишь жертвам Сталина, а не всем жертвам советской власти, — откровенный плевок в лицо невинным людям, пострадавшим от большевиков между 1917 и 1989 гг. Недостойны выпады Медведева против Авторханова, личный характер носят оскорбления, наносимые писателю Солоухину. И уж совсем политикански выглядит тема о том, что "Прибалтика получает значительные блага от того, что входит в Советский Союз". Присоединяемся к каждому слову!

В области поэзии журнал воспекает покойного Б. Слуцкого и живого А. Вознесенского. Думаем, что ни тот, ни другой не войдут в золотой фонд русской словесности. В сфере истории А. Куник превозносит А. Янова. Сей последний создал себе прочно скверную репутацию. Не стоит о нем толковать.

Француз Ф. Фюре начинает свою статью "1789—1917" сентенцией: "Одной из основ моей культуры является марксизм". Дальше можно бы и не читать... Американец Р. Тирский, взвешивая положение сейчас французской компартии, констатирует, что она — на краю бездны: "Нынешнюю партию раздирают внутренние противоречия, открытая

фракционная борьба. Сокращение числа членов ФКП приняло массовый характер". Я. Пшибила, анализируя "Великий китайский эксперимент", приходит к выводу, что: "Изменения в экономике Китая, как и перестройка М. Горбачева, до сих пор проводятся в концептуальном вакууме".

"Новый Журнал" №№ 170 и 171. Бредовый роман В. Яновского "По ту сторону времени", к нашему облегчению, окончен. "Посмертные труды" И. Зданевича (под псевдонимом **Ильязд**) лучше бы было не воскрешать, а предать забвению. Единственное сколько-то живое в оных — картинки старого Монпарнаса; но ведь мало ли их уже воссоздавали другие! Краткие очерки из наследия Е. Замятина суть сырые, необработанные наброски. Стихи все посредственные. Лучше других, в сюрреалистической манере, — М. Фельдман.

Экспериментальная проза А. Ланского "Перед первой смертью" нудна до последней крайности. "Крейзи" А. Фролова есть не столько рассказ, как автобиографический очерк о том, как подсоветский журналист сделался нью-йоркским шофером; описано сие скучно и без блеска. "Роковая женщина" Д. К. Оутс — нечто неприятное, несодержательное и тоже очень скучное (хотя и перевод с английского; неужели ничего лучше-то нельзя было выбрать?). Значительно выше по качеству стоит загадочный, чересчур короткий рассказ Ю. Тролль "Пасьянс будуар".

Любопытный человеческий документ представляют собой датирующиеся 1910-м годом письма М. Шагинян З. Гиппиус, полные нежной дружбы. Как далеко развела их судьба! Вторая станет эмигранткой и непримиримой антикоммунисткой, а первая — деятельной прислужницей большевизма. Но в тот период 22-летняя Шагинян погружена в религиозные искания и поминутно повторяет имя Христа. Верно сказал Гумилев:

Мы меняем души, не тела.

Правда, и тут чувствуется элемент нездорового. Например, враждебное ее отношение к православию, которое ей чуждо, — отчасти, быть может, потому, что, как она с гордостью повторяет, она "армяно-григорианка". Слог ее уже и тогда — слог талантливой писательницы, и рассуждает она как девушка высокой культуры; хотя и происходят у нее порою странные срывы: путает Абельяра с Оригеном и Людовика XVI с Эдуардом III.

Из очерка Б. Филиппова "Всплывшее в памяти" выпишу поразившую меня фразу: "Плохо, хотя и правдиво звучало сокращенное название Ленинградского Государственного Университета — ЛГУ". Сам окончил этот университет и всем ему обязан, а никогда не приходило в голову так прочесть его наименование! Хотя, понятно, в нем, как и в любом советском учреждении, *volens nolens*,

лжи было довольно.

И № 172—173. Две большие вещи проходят через все 3 выпуска (вторая еще не закончена): "Обойден и замкнут круг" Е. Федоровой начинается как роман (и очень неплохой!), но затем соскальзывает в биографический очерк о пребывании автора в тюрьме, — живой, яркий, и, однако, только один еще изо столь уже многочисленных. Демонический образ интеллигентного и даже талантливого провокатора Юры Иванова остается недоработанным, психологически нераскрытым; а жаль! Согласимся с заключительными словами Федоровой: "Время было сатанинское". Но напрасно она считает, будто равно виноваты были все. Вина таких, как Иванов, была **бесконечно** больше, чем его жертв. "Серп и молот" К. Ушакова — серия очерков в форме романа, без претензий рисующая безынттересные картины жизни русского инженера, работающего в Чехословакии.

Письма А. Кизеветтера М. Вишняку, редактору "Современных Записок", свидетельствуют о наличии у отправителя здравого смысла и хорошего вкуса: "Ремизова не мог одолеть и бросил. Точно увяз в тине... Мне жаль, что "Солдаты" Шмелева куда-то исчезли. Вещь очень талантливая. Все кричали, что эта вещь бездарна. Это, конечно, вздор. Вещь очень талантлива. Ссылками на бездарность хотели просто прикрыть неудовольствие на то, что Шмелев рисует военных сочувственно, тогда как, согласно политическому "хорошему тону", требуется обливать военных презрением". Разумны и многие его мысли о политике.

Из рассказов удачнее остального романтический "Разбойник Бабаханов" О. Капабланки-Кларк. "Маттео Моро" Н. Терлецкого — пустопорожен, хотя и с потугами на глубокомыслие. "Большая Поляна" Л. Миллер отталкивает нагромождением бытовых ужасов, "Дневники во время летних отпусков" В. Гинзбург — злопыхательской иронией. "Из литературного наследия" Л. Добронравова — рассказы в чеховской манере, но, натурально, куда слабее Чехова. "Короткие рассказы" М. Минского суть, собственно, анекдоты, не очень смешные и не очень занятные.

Ю. Щеглов в эссе "О художественном языке Чехова" убедительно углубляет тезис Л. Шестова: "Упорно, уныло, однообразно Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды".

"Грани" №№ 153 и 154. А. Койт предлагает нам на сей раз 2 довольно милых и забавных этнографических рассказика, один о корейцах, другой о таджиках. И. Шенфельд пробует осветить загадочную фигуру то ли ясновидца, то ли шарлатана В. Мессинга. Стихи М. Фельдман доказывают, что у нее есть талант; а какого размера — пока

неясно. Что до "полученной из России" подборки стихов К. Боголюбовского "Выкуп Господень", — она прекрасна и по форме, и по содержанию.

М. Блинкова в эссе "Русская писательница Алла Кторова" осыпает эту последнюю восторженными и сильно преувеличенными комплиментами.

Самое тут значительное — исследование С. Белова о Достоевском. Он полемизирует с О. Чайковской, пытающейся принизить Достоевского дабы возвеличить Тургенева, и резонно ей возражает: "Зачем же через 100 лет после их смерти снова сталкивать их лбами?" Их конфликты принадлежат их времени. А что у читателей бывают свои предпочтения к тому или иному писателю и даже отталкивания от другого, вне прямой зависимости от их реальной величины, — вещь обычная, да и законная. Еще правильнее опровергает Белов И. Волгина, изображающего Федора Михайловича революционером, — в прямом противоречии с истиной! Особо благодарим его за ниспровержение мифа, бытующего не только в подсоветском, но и в зарубежном литературоведении, будто писатель хотел в продолжении романа сделать Алешу Карамазова революционером и чуть ли не цареубийцей.

В небезынтересном исследовании о современной западной историографии А. Шур отмечает склонность теперешних историков к "раздроблению и детальному изучению отдельных и чрезвычайно узких тем". Увы! такие же тенденции торжествуют ныне и в других науках (например, лингвистике).

Г. Андреев вновь воскрешает глубоко порочную концепцию: понимать **интеллигенцию** как класс профессиональных нигилистов и бунтарей (хотя он неожиданно к ней причисляет, наряду с Радищевым и Новиковым, И. Крылова и даже П. Столыпина!) Неубедительно в этом деле его противопоставление старой нашей интеллигенции теперешней образованщине на Западе и в СССР. Тут налицо просто разница между **интеллигенцией** и **полуинтеллигенцией**.

Очерк Б. Николаевского "Русские масоны в начале XX века" проливает на предмет обсуждения не свет, а тьму. Николаевский (если верить его словам) сам в масонах не состоял, а судит со слов знакомых масонов. Затем он старательно подчеркивает, что вольные каменщики и вообще хранят свою деятельность в секрете; а русские — специально и в особенности. Так что не диво, если мы о них мало что узнаём... Однако, разбирая франкмасонство в целом, в мировом масштабе, автор отмечает свойственный данному обществу воинствующий антиклерикализм и типичное ему сочувствие крайним революционным течениям, как Парижская

Коммуна и радикальные движения в Италии. Вот это — уже кое-что, уже ближе к делу. А в интимной связи масонства с февральской революцией в России вряд ли могут существовать сомнения.

"Наши Вести" № 414—415. К нашему удивлению, журнал активно и пристрастно выступает против Г. Рябова и его соратников и не допускает подлинности найденных им останков царя Николая II и его семьи. Конечно, нам издали невозможно высказываться решительно; теоретически не исключены и ошибка, и обман. Одно несомненно: горячее сочувствие, всколыхнувшее в данной связи широкие массы. Немудрено, если оно для известных кругов там и здесь неприятно. Во всяком случае, мнение журнала, будто тут налицо советская провокация, отнюдь не представляется обоснованным. Какой же был бы смысл такой мистификации?! Даже и имей она место, — она оборачивается **против** большевиков. И не диво: Бог всегда может превратить зло в добро, и нередко козни преступников оборачиваются на практике в беду для них же самих.

В данном же вопросе мы не видим пока никаких прямых доказательств, что найденные Рябовым кости не являются подлинными. Безобразное письмо из СССР, трусливо не подписанное хотя бы псевдонимом или инициалами — а чего же бы автору бояться?! — содержит грубые и ничем не подкрепленные оскорбления Рябову и членам его комиссии (а она ведь имеет целью определить истинность или ошибочность сделанной им находки!)... и никаких серьезных доводов. Включенная в него басня о том, что, якобы царю (и всем членам его семьи?) отрезали головы и хранят в спирту, — нечто вовсе для нас новое и взятое из какого-то бульварного романа ужасов; впрочем, ни на какой источник ссылки и нет.

Вовсе не внушительно и **свидетельство** Н. Плетнева. Он говорит, что при кремации американского моряка японцами, при которой он присутствовал, все тело превратилось в сплошной пепел. Весьма вероятно. Но производившие операцию японцы-то были опытными мастерами своего дела и располагали хотя простыми, но эффективными приспособлениями. Напротив, в Екатеринбурге орудовали люди, к такой работе совершенно непривычные, и действовали они в лесу, под открытым небом, может быть и при неблагоприятной погоде, имея под рукой разве что наспех сложенный костер; да и притом же, вряд ли у них и нервы были в порядке. Если злодеи со своим гнусным заданием справились плохо, то это вполне и естественно.

В передовице редакция рисует трогательную картину всеобщего примирения и прекращения споров в эмигрантской печати. С чего

ей привиделся подобный сон золотой? Следим за этой прессой — и видим совсем иное!

Н.В. описывает подлое поведение американцев в Германии после войны, ловивших служащих РОА для выдачи большевикам, и то, как легко они шли на поводу у советских агентов. Этого позора США с себя никогда не смоят.

Печальна порча языка, несколько и странная в журнале, издаваемом старыми эмигрантами. Нельзя по-русски писать "Битва на Косово" (да еще и в заглавии статьи...), а надо "на Косове" или "на Косовском поле".

"Беларускі Голас" № 351. Газета справляет свой 40-летний юбилей, и при сем случае

вспоминает в передовице, что основана она была группой нашей, второй эмиграции, беглецов из советского ада, прибывших в Канаду в 1949 г. Номер, как обычно, содержит много ценных информационных материалов: о съезде Белорусского Народного Фронта в Вильне, о продолжающихся трагических последствиях радиации, вызванной катастрофой в Чернобыле, о сохранивших свои посты в научном мире лысенковцах, в частности, о некоем М. Дорожке. Интересна статья В. Вира об Африке со вполне разумным призывом поддерживать в идущей там борьбе антикоммунистические, а не прокоммунистические движения.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы печатаем в порядке дискуссии фрагменты из статьи Д. Штурман "К вопросу о национальных фобиях". С сокращениями статья была опубликована в "Новом Русском Слове", но мы выбирали фрагменты из рукописи. Статья касается работы И. Шафаревича "Русофобия", но выходит за рамки критики одной этой работы. В дальнейшем мы надеемся напечатать еще некоторые фрагменты.

Д. ШТУРМАН

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ФОБИЯХ

Глава 1 ДЛЯ НАЧАЛА — О СОЦИАЛИЗМЕ

Игорь Шафаревич — математик, человек точного знания. Представители точных наук часто гордятся своим методологическим превосходством над гуманитариями. И порой — напрасно. Самая строгая, но слишком прямолинейная логика не срабатывает, будучи примененной к явлениям, бесконечно разнообразным и динамичным, но тем не менее образующим систему. Многообразие и динамизм явлений мешают обнаружить ошибку, тем более, что рассуждения сохраняют форму строго научного доказательства. Процессы, которыми занимаются гуманитарии, не поддаются формализации в привычной для техников и математиков степени. Стройные, но упрощенные модели таких процессов нередко оказываются несостоятельными.

Разумеется, среди представителей как точного, так и естественнонаучного знания есть блестящие аналитики социальных явлений и процессов. Боюсь, однако, что И. Шафаревич не из их числа, хотя в своей статье "Две дороги — к одному обрыву" ("Новый мир" № 7, 1989, стр. 147–165) он сам отстаивает непрямой, многомерный подход к социально-историческим феноменам.

Мне случалось уже оспаривать центральный тезис его книги "Социализм как явление мировой истории". Ее автор считает, что социализм во всех его глобально-исторических интерпретациях и реализациях есть в конечном

счете проявление общечеловеческого инстинкта смерти, инстинкта самоуничтожения.*

С этим тезисом И. Шафаревича согласны многие читатели и критики, особенно те, кто термин "инстинкт" воспринимают в данном случае не столько биологически, сколько мистически. За инстинктом смерти, в их восприятии, встает фигура Дьявола, космического Зла.

Я не берусь рассуждать о глубинной, изначальной подоплеке явлений. Мне она неизвестна. Но если какой-то феномен имеет сравнительно простое истолкование, то надо ли прибегать, рассматривая его, к догадкам, заведомо более сложным и рафинированным? Оставим их для тех случаев, когда без них понять ничего нельзя. Для объяснения стойкости, несмотря на все их провалы, социалистических иллюзий, достаточно, на мой взгляд, и вполне рациональных соображений. Социализм как явление мировой мысли и мировой

*Нам кажется, что И. Шафаревич в своем труде "Социализм как явление мировой истории" напрасно ставит на одну доску христианские утопические социализмы, не вышедшие за рамки теории и никому на практике не принесшие вреда, и страшный богоборческий марксистско-ленинский социализм, причинивший России и другим странам и народам неисчислимы бедствия. В книге Шафаревича особая опасность и злобность этого социализма совершенно смазывается, растворяется в исторических данных, он как бы прячется за ширму других, несравненно более невинных социальных утопий. (Прим. ред.)

истории порожден скорее всего настойчивым стремлением Homo sapiens радикально, раз навсегда разрешить все свои социальные и нравственные затруднения. "Человек разумный" упорно пытается рационализировать и одновременно гуманизировать свою социальную жизнь прямолинейными расчетно-инженерными методами, которые в технике принесли ему немало (правда, порой двусмысленных) успехов. Но именно эти его затруднения так не решаются. Человечество этому поверить не хочет. Оно упрямо продолжает искать решения все на тех же путях, пытаясь расчислить и построить бесппроблемное общество. Оно старается действовать в социальной сфере примерно теми же методами, какими взрывают горы, строят здания и машины. Однако, как об этом теперь все чаще и обеспокоенней пишут и говорят, человечество и в своем многотысячелетнем "покорении природы" совершило массу ошибок, хорошо, если еще не роковых. В социально-гуманитарной сфере метод: "взорвать — расчислить место — расчитать — построить хорошо, правильно" — оборачивается кровью и ложью сразу. Тем не менее люди к этому простому и радикальному методу тяготеют неудержимо. И все ищут, причем, к несчастью, на практике, спасительные возможности в этой заведомо непригодной для социально-гуманитарного творчества методологии и технологии.

Такое истолкование социалистического соблазна несколько все же оптимистичней, чем толкование Шафаревича, ибо от органического инстинкта освободиться нельзя, а от глубокого умственного заблуждения, может быть, все-таки в конце концов можно? Если успеем.

Солженицын, у которого есть несколько разных подходов к истокам социализма (в том числе — и ссылки на допущения И. Шафаревича), однажды сказал и так:

"Исходные понятия — частной собственности, частной экономической инициативы — природны человеку, и нужны для личной свободы его и нормального самочувствия, и благодетельны были бы для общества, *если бы только...* если бы только носители их на первом же пороге развития *самоограничились*, а не довели бы размеров и напора своей собственности и корысти до социального зла, вызвавшего столько справедливого гнева, не пытались бы покупать власть, подчинять прессу. Именно в ответ на бесстыдство неограниченной наживы развился и весь социализм".

("Публицистика, статьи и речи", ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1981. Стр. 73—74. Курсив Солженицына. Выд. Д. Ш.).

Губительная утопия возникает в приведенном выше отрывке как ошибочно-тупиковая реакция на Зло. На вопрос о том, кто

подсказал человеку эту реакцию, способную стать роковой: он сам себе или Дьявол, — имеет смелость отвечать лишь вера, в том числе — и атеистическая, но не знание. Мне представляется, что, какие бы силы ни стояли за этим, на социализм в качестве первоначального импульса работают жажда жить хорошо и стремление к равенству и справедливости, а не тяга к самоуничтожению. А когда этот строй побеждает, возникает ловушка.

На принципиальную критику социализма возражают обычно, что это понятие имеет несколько сот определений, из которых многие противоречат друг другу, и, следовательно, неизвестно, что именно отвергается. Замечу, однако, что все книжные социализмы радикально-реконструктивны по отношению к наличному обществу. Все они тем или иным способом уничтожают или лишают свободы частную собственность, подчиняя ее произвольно толкуемым справедливости и целесообразности. Кроме того, литературных социализмов, в их наиболее обобщенной структурной сути, всего два: эгалитарно-плоскостной и пирамидально-иерархический. Первый стремится превратить страну (человечество) в сеть горизонтально взаимосвязанных равноправных и внутренне эгалитарных общин. Второй грезит идеально справедливой вертикальной иерархией, твердо, научно, правильно устрояющей и охраняющей разумное благо "общества в целом и каждого его члена в отдельности" (К. Маркс).

Беда, однако, в том, что убедительных и общих для всех и каждого критериев для всех этих "справедливо", "научно", "разумно", "правильно", "блага" нет ни у одного из социалистических учений. Нет у них (ни в теории, ни на практике) и мало-мальски надежной технологии для обретения этих критериев. Из всех этих красивых слов практически выживает только одно: ТВЕРДО. Более того: социализм так и не разработал за много столетий теоретически и не выработал за семьдесят с лишним лет эмпирически механизмов, способных обеспечить выполнение **созидательных** решений, если не всего народа, то хотя бы его высшей власти. Таких механизмов на избранных им путях нет. Он эффективен только в решении задач **истребительных и разрушительных**, то есть тогда, когда действует в направлении и в ключе второго закона термодинамики — закона нарастания энтропии. Если энтропия и Дьявол — синонимы, то можно говорить, что социализм — орудие Дьявола и/или инстинкта самоуничтожения. И все-таки первичное субъективное побуждение к социализму в истории человеческой мысли — жажда устроить жизнь хорошо и правильно. Тем не менее плоскостную эгалитарную модель боль-

шого масштаба построить вообще нельзя, а иерархическая, которая всегда и строится, не может быть (по ряду не обсуждаемых здесь нами причин, начиная с неустранимого дефицита информации-времени) ни разумной, ни справедливой. Зато, повторяю, она **очень** твердая.

Многие, в том числе и Шафаревич, считают одним из решающих признаков социализма воинствующий атеизм. Но это неверно: есть и религиозно-социалистические учения и движения (и в христианстве, и в исламе, и в иудаизме), причем издревле и по сей день. Шафаревич и сам их достаточно широко описал в своей книге. Однако и он, и другие религиозные критики социализма полагают, что и за неатеистическими разновидностями этого учения и движения стоит Дьявол. Возможно. Но и это утверждение продиктовано верой, а не знанием. Упоминая об этом, я не декларирую превосходство знания над верой, а говорю лишь о границах последнего.

Если погрузиться лет эдак на сорок в пучину социалистической словесности, то увидишь, что все ее призрачное многообразие либо сводится к одному из двух упомянутых архетипов, либо как-то пытается их комбинировать. К шараханью от одного из них к другому сводится то, что лишь с очень большой натяжкой можно назвать теоретической мыслью Ленина (вообще не теоретика). Маркс и Энгельс сочинили утопию перехода от капитализма к эгалитарному социализму через диктатуру, на которой их последователи неизбежно навсегда и застревают. Правда, не на принципиально не осуществимой "диктатуре пролетариата" своих учителей, а на тоталитарной коммунистической партократии. **Если некая сила, безраздельно овладевшая обществом, выполнить своих обещаний и планов не может, а от власти отказываться не хочет, она неизбежно становится деспотической.** То, что ныне условно обозначается символом "Горбачев", тоже стоит перед дилеммой отказа от монопартийной диктатуры или террора (если оно еще в силах предопределять ход событий). Но возвратимся к модели социализма.

Платон, Гоббс, Мор, Кампанелла, Верас, Сен-Симон, Шпенглер, Гитлер, Муссолини, Гэлбрейт и др. в своих социализмах иерархичны. Фурье, Оуэн, российские "конструктивные" (В. Чернов) и народнические социалисты, анархо-синдикалисты, израильские киббуцники и т.п. — эгалитарны. Есть много литературных комбинаций того и другого. На деле же в национальных масштабах удается построить только пирамидальную иерархию, но она всегда не хорошая, а плохая. Сегодня пытаются комбинировать иерархический централистский (он же —

реальный) социализм с конкурентным рынком ("план" и "рынок"). Такие комбинации более или менее работоспособны, пока приоритет остается за рынком и за свободной собственностью, причем не на словах, а на деле. Если же централизация и огосударствление съедают частную инициативу и уничтожают механизм конкуренции, неминуемо раньше или позже возникает тупик. Когда утопию упорно насилуют попытками ее воплощения в жизнь, появляются злостные тоталитарные оборотни, из лап которых потом столь трудно вырваться. Эти процессы описаны и объяснены на различных уровнях языка и мышления — от бытового до академического. Критика социализма не молже его учений. Она получила строжайшие обоснования в современной системологии. В их главной сути ее самые строгие качественные и количественные доказательства и выводы были задолго до первых государственных социалистических опытов предвосхищены тем, что принято называть обывательским здравым смыслом и мещанской моралью. К сожалению, здравый смысл и прописная мораль, за которыми стоит многотысячелетний духовный, нравственный и практический опыт человечества, обычно игнорируются интеллектуально-эстетическим и радикально-революционерским авангардом.

В книге И. Шафаревича "Социализм как явление мировой истории" тезис о роковой роли инстинкта смерти производит впечатление дедуктивного убеждения, которое фактами лишь иллюстрируется. А при таком подходе факты зачастую и подбираются, и трактуются достаточно тенденциозно. Но при всей произвольности своего главного допущения, в этой книге Шафаревич был более всего занят самым важным для нашего времени вопросом: **что виновато?** И это стало одним из этапов продуктивной дискуссии.

В статье "Две дороги — к одному обрыву" Шафаревича тоже занимает проблема "что виновато" — в движении к пропасти, по его убеждению, и социалистического, и капиталистического (демократического) миров. Я не буду здесь подробно останавливаться на вопросе о том, насколько, по моему ощущению, верна глобально-историческая модель Шафаревича в этой статье. Мне она представляется схематизированной, и в той части, где постулируется тождественность западного и восточного (условно говоря) кризисов и их истоков, — натянутой. На мой взгляд, Запад все более остро осознает надвинувшуюся на него эколого-нравственно-технологическую угрозу и уже делает шаги к ее преодолению (в отличие от мира социализма, все еще ускоряющего свой бег к пропасти). Я не вижу спасения и в реальном, а не идеали-

зированном бытии примитивных культур, "третьего мира" или российской общины начала XX века. Несмотря на свою всегда впечатляющую начитанность, Шафаревич, по-видимому, плохо знаком с тупиковыми экологическими проблемами примитивных цивилизаций. Его ретроспективные утопии легко разбиваются о его же призыв уважать жизнь: примитивные цивилизации неспособны справиться, к примеру, с дарованным им извне снижением детской смертности. Быстрый рост населения вызывает катастрофический голод.

И что за уловка стоит за понятием "космоцентрической" цивилизации? Что есть центр Космоса? Бог? Тогда о Нем и следует говорить. Понятие "геоцентризма", "гелиоцентризма", "антропоцентризма" более или менее отчетливы. Но земная жизнь, ориентированная на Космос? В чем? В каком смысле?

И, хотя марксизм — учение, действительно, западное, одно из детищ безудержного культа разума, Запад все же пока что не позволил себе полностью подчинить свою экономику априори беспомощному глобальному плану, чем сохранил ее вживе. Его эколого-технологические и нравственные проблемы, весьма грозные, связаны чаще с запредельной свободой, чем с потугами на импотентную сверхупорядоченность. Следовательно, этиологии кризисов не идентичны и способы их преодоления должны быть разными.

Весь подход Шафаревича к этой теме представляется, опять же, априорно заданным. Но в статье много оправданных опасений, интересных мыслей и наблюдений, и с ней можно вполне конструктивно полемизировать.

В "Русофобии" Шафаревич опять разрабатывает обобщенную историческую концепцию и снова — на почве некоей априорной идеи. На этот раз им владеет другой вопрос: кто виноват? И опять ответ предшествует необходимым автору иллюстрациям: сразу же становится ясно, что вина лежит на еврейской и западнической агрессии против органической национальной России. Запад, евреи и западники повинны во всем том, что в российской истории не задалось, было тяжким, получилось плохо, — во всем, что плохо сегодня и может обернуться еще большим несчастьем завтра.

Глава 3. ЕВРЕИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Повторю то, о чем уже не раз говорилось, ибо враждебные коммунизму антисемиты (есть и преданные) тоже, в основном, повторяют своих предтеч.

Многое из того, что сказано ниже, говорит

и Шафаревич в "Русофобии". Разница между нашими рассуждениями, главным образом, состоит в следующем: я не вижу той изначальной истребительной злокозненной ненависти к неевреям, той глобальной агрессии, которая якобы была и остается роковой тенденцией и задачей еврейства с библейских времен и до сего дня. Правда, он говорит, переходя в своей книге к российским евреям, что не они затеяли революцию **в ее истоках**, но вскоре об этом напрочь забывает, и его трезвая оговорка тает и размывается в потоке сугубо еврейских революционных и постреволюционных злодеяний.

Не имевший своего государства, рассеянный и гонимый народ по мере своей ассимилятивной эмансипации, то есть с начала XIX века, все более отрывался от своих национальных корней, в основном — религиозных и питаемых историческим преданием. Напомню: за словом "гонимый" стоят костры и кровопролития таких масштабов, что читать историю одних только европейских евреев сострадательному человеку должно быть и вчуже больно. Но Шафаревич об этой стороне вопроса и не обмолвился, хотя в психологии и миропонимании современных евреев она сыграла немалую роль.

Народ, претерпевший такие гонения (а эпизоды их продолжались и в XIX-м веке, и в начале XX-го), не мог не стать в значительной части своей носителем революционной наднациональной доктрины социализма. Она давала своим адептам-евреям надежду перестать быть изгоями — не в призрачной Палестине праотцев, затерянной в двухтысячелетнем тумане, а в братской семье трудящихся, на той тверди, в которой лежат родители, деды и прадеды, в той культуре, которая стала для ассимилянтов родной, а для их большинства и единственной. Позволю себе напомнить, что и развитое тяготение к справедливости тоже нередко толкало людей (независимо от их национальности) к революции. При желании Шафаревич мог бы процитировать многих революционеров-евреев, горячо писавших о своем сострадании к угнетенным классам коренных наций, терпящим бедствие.

При этом все разноплеменные первоапостолы интернационалистского социализма думали не столько о своих народах, сколько обо всем человечестве. Евреи в это движение не пошли, а ринулись. Уже в ходе гражданской войны и сразу же после нее они, нередко более конкурентоспособные, чем выдвиженцы из коренных низов, заполнили много социальных пустот, созданных революцией. Гражданская война и террор порождали эти пустоты прежде всего в результате изгнания, дискриминации, преследования и частичного уничтожения всех дореволюционных высших и образованных слоев. Их во многих случаях

и заменяли более динамичные, более грамотные, более преданные революции, чем коренные низы, евреи. При этом они, как уже было сказано, в преобладающей части своей порывали со своей народной и духовной традицией, с быстро размываемой событиями исходной средой. Естественно, они не обретали с такой же скоростью глубоких корней в этнографии, истории, культуре, исконной духовности окружающего народонаселения. За некоторыми лично очень значительными, иногда — великими, исключениями, любые ассимилянты, особенно в периоды своего массового явления, да еще в первом поколении, укореняются в относительно поверхностных слоях новой для них культуры. То же касается и большинства мигрантов из класса в класс. Ими легче идеологически манипулировать, чем неассимилированным меньшинством и коренной средой, чем наследственным составом социального класса.

Нигилистический напор раннего большевизма, его террористические установки не могли не иметь воодушевленных носителей и функционеров в слоях, нигилистичных и радикальных уже по одной только логике всех скоростных ассимиляций: от своего отказались, отпали — в глубинное, консервативное чужое в большинстве своем не вросли. При этом многие ассимилянты сохраняют внешние признаки своего отринутого еврейства, характерные для данного ареала рассеяния (акцент, манеры, психологические реакции, имена, не говоря уже о типах внешности). Сами они значения этому не придают, хотя и посмеиваются над собой в анекдотах. Во всяком случае, в их глазах, это не основание (и это, действительно, не основание) относиться к ним отрицательно. Но люди в массе своей (в том числе и евреи) относятся к тем, кто на них не похож, настороженно. Еврейская специфика ассимилянтов достаточно явственна для их нееврейского окружения, которое она то забавляет, то раздражает, то эстетически шокирует, то настораживает, то пугает, то озлобляет, — в зависимости от ситуации и настроения.

Итак, для того, чтобы увидеть и отразить активную роль евреев в российских радикальных движениях XX века и, в частности, в большевизме, вовсе не обязательно быть антисемитом.

О евреях — противниках революции и критиках социализма-коммунизма, участниках белого движения, эмигрантах, оппозиционерах — не только внутри партии, но и против нее, о евреях, уничтоженных "волнами" коммунистического террора всех лет, о евреях-почвенниках и православных, русских религиозных философах, о рядовых обывателях, разделяющих общий груз, — круги, тяготеющие к антисемитизму, чаще всего либо не

говорят, либо говорят с негативными интонациями. Об оставшихся или ставших снова евреями по вере, культуре и традиции я здесь не пишу: эта тема иная.

Евреи-большевики проделали всю ту многоаспектную эволюцию и претерпели всю ту моральную деградацию, что и все их инациональные, в том числе, русские, собратья. Насильники-утописты, большевики сразу же после октябрьского переворота стали самой страшной правящей силой в истории. Угнаться за коммунистами в жестокости и лжи смогли только нацисты в их истребительной ненависти к евреям и цыганам. Последних они тоже уничтожали тотально, но без такой пропагандистской атаки, как евреев. Но и нацисты не успели за двенадцать лет сравняться с большевиками в той ярости, с которой последние истязали и выгрызали свою собственную народную и даже партийную плоть. Впрочем, коммунистическая партия при этом только росла и тучнела (с 611 тысяч членов в 1920 году до нынешних 20 миллионов).*

Характерно, что при положительном отношении к революции антисемиты обычно умаляют роль в ней евреев (или приписывают этой роли сугубо негативный характер), а евреи, симпатизирующие революции, свою роль в ней подчеркивают. И наоборот: при обоюдном отрицательном отношении к революции антисемиты возлагают ответственность за нее на евреев; евреи же даже самое трезвое и беспристрастное отражение их активного участия в революции, в создании и функционировании "органов" и ГУЛага, в становлении партократии часто воспринимают как проявление антисемитизма. При этом антисемитов не смущает унижительная роль бездумных орудий в руках евреев, которую они оставляют своему народу и его либерально-радикальной интеллигенции, чего на самом деле в истории России не было. А евреи нередко спешат отречься от своего вклада в российские революции и в большевизм, хотя этот вклад исторически реален и вполне объясним.

Но даже сравнительно недавнюю их историю людям не так легко рассказать: каждый торопится услышать то, что ему легче слышать. Сколько раз Солженицын вспоминал о том, как мечталось в подконвойной колонне выкрикнуть правду на весь свет — и все услышат! И нам представлялось долгие годы: напечатают "Архипелаг" в СССР — и все изменится (или и напечатают только тогда, когда все изменится). Но мой молодой друг в 1976 году говорил: люди в стране вот-вот дойдут до такого состояния, что "Архипелаг"

*Заметим, что евреев состояло в РКП(б) в 1922 году (XI съезд) 19564 человека, — на каких иерархических уровнях, у меня данных нет.

останется лежать на магазинных полках, а все будет течь по-прежнему — к пропасти, к отнюдь не братской, но тем не менее общей могиле. "Архипелаг ГУЛаг" на полках, конечно, не залежится. Но многие, ох, сколь многие, увидят в нем прежде всего не эпоху, впервые с такой глубиной, охватом и мощью воссозданную, а страницу с несколькими фотографиями — сановных евреев, зачинателей и воротил ГУЛага. Одни (увидят) с великой радостью, другие — с ужасом и обидой.

От них эта страница заслонит:

что в великой книге присутствуют **два интернационала** — интернационал жертв и интернационал подонков-мучителей;

что фотография взята из поразившей Солженицына знаменитой коллективной советской книги о Беломорканале (под редакцией М. Горького);

что Солженицын ни сановников этих, ни их ролей не выдумал и не искажил;

что в 1934 году, когда вышел из печати сей дружный писательский панегирик Беломорканалу, никто его авторитетных авторов и редактора-классика в антисемитизме не обвинил, напротив: ныне одиозная фотография тогда казалась и, главное, была воздаянием чести, а не укором;

что, повторяю, русских мучителей и нерусских мучеников (в том числе — евреев) Солженицын в своей книге гневом и состраданием не обошел: всем воздано по заслугам.

Сегодня многие, угрожающе многие ничего этого не заметят. Будут лихорадочно искать и подсчитывать: русские, нерусские, евреи, латыши, татары...

И если сегодня издать в СССР, к примеру, очерки покойного Романа Гуля "Дзержин-

ский. Петерс. Лацис. Менжинский. Ягода" (Париж, 1936), великое множество читателей постарается не заметить выстрела Канегиссера в Урицкого, Каплан(?) — в Ленина, терракта Виленкина против МК РКП (б). Но (опять же: одни — с упоением, другие — с ужасом) будут отмечать и подсчитывать: поляков — Дзержинского и Менжинского, латышей — Петерса и Лациса, евреев — Ягodu, Урицкого, Трилссера, Землячку и др. и др. "Своих" (Бокия, Ногтева, Васькова, Калугину, Анфилова — называю лишь часть соловецких палачей, Саенко — Украина — и пр. и пр.) спишут. Тем более не станут подсчитывать их по всех градам и весям за все семьдесят с лишним лет. Никто не станет: ни евреи, ни неевреи. И безусловно не подверженный никаким национальным фобиям Роман Гуль на страницах, предположим, "Нашего современника" превратится в одно из знамен отмищения, хотя преступников давно уже нет в живых, многие растерзаны клыками своей же своры, а внуки должны ли за них расплачиваться? Но никто не оглянется во гнев.

По ряду причин, которых мы здесь касаться не будем, с конца 1940-х — начала 1950-х годов евреи перестают играть сперва — весомую, а затем и какую бы то ни было роль в стратегии советской коммунистической партократии. Однако многим все еще грезится за ее олигархами зловещий собирательный силуэт Жида.

Но Шафаревича — автора "Русофобии" — проблемы социализма занимают гораздо меньше, чем Шафаревича начала 1970-х годов. В этой книге он куда более озабочен еврейством как явлением мировой, и главное, российской истории, а также злокозненным русским западничеством, чем социализмом как таковым.

Независимая библиотека г. Львова просит присылать литературу на русском языке по истории СССР, правам человека, критике марксизма и культуре Русского Зарубежья по адресу:

Soviet Union 290053 Lvov 53 Box 5807

Николай ВОЕЙКОВ

ДОМИК АЛЕКСАНДРА III В ФИНЛЯНДИИ (1889—1989)

Многим памятен полушутливый ответ царя-мироотворца дожидавшемуся его аудиенции иностранному посланнику: "Пока русский царь удит рыбу, Европа может подождать". Мемуары современников неоднократно упоминают о каникулах царской семьи, проводимых на шхерах в Финляндии; в частности, их описывал начальник личной охраны государя Николая II, ген. А. Н. Спиридович.

Оказывается, финский народ поднес Александру III живописный рыбацкий домик, когда он еще был наследником престола. Домик находится в местности Лангинкоски, возле города Котка, у порогов реки Кюми, при впадении ее в Финский залив. Царственным домиком, открытым сто лет тому назад, в настоящее время заведует консул Р. Бакстрем, историк и педагог, а также председатель музейного общества Лангинкоски. По случаю этого юбилея образовалась инициативная группа в городе Котке, решившая его отпраздновать в лесу-заповеднике, пригласив как почетного гостя родного внука Александра III, проживающего в Канаде, Тихона Николаевича Куликовского; он и брат его, Гурий, являются самыми близкими по крови родственниками царской семьи, будучи сыновьями великой княгини Ольги Александровны, скончавшейся в Торонто в 1960 году.

Итак, 9 июля Тихон Николаевич с супругой Ольгой Николаевной прилетели в Гельсингфорс, где были встречены делегатами-организаторами, а также представителем авиационной компании "Финнэр" и препровождены в гостиницу, где их ожидали цветы и шампанское. "В Гельсингфорсе, — описывает Т. Н., — мы посетили Успенский собор. Над Сенатской площадью высится памятник моему прадеду, царю-освободителю Александру II... В порту, у пристани, перед дворцом президента, на обелиске, распростер свои крылья наш славный двуглавый орел. В 1918 году он был сбит большевиками, смертельно ранеными адмирала Небольсина. В середине 20-х годов орел был возвращен на свое почетное место, уже в независимой Финляндии... 14 июля Рагнар Бакстрем привез нас в Котку (2 часа на автомобиле от столицы) и оставил в отеле. К трем часам он вернулся и привез нас в Рыбачий Домик Государя. Тут, под чудными портретами дедушки и бабушки, я дал интервью репортерам нескольких финских и шведских газет и государственного телевидения... 15 июля наступил юбилейный праздник. Началось с приема в клубе города Котки, в присутствии министров образования и культуры, пред-

седателей Музейного общества, Департамента древностей, офицеров финской армии и делегатов компании "Финнэр". После приветствий и шампанского был сервирован великолепный обед... В 3 часа мы уже были на островке, перед верандой Царского Домика. Военный оркестр в белых фуражках заиграл гимн "Боже, Царя храни", и все встали. На флагшток торжественно поднялся синий вымпел с короной и монограммой "А. III", произнесено было много речей... Я произнес приветствие по-английски, моментально переведимое на финский язык". В своей речи Т. Н. поблагодарил организаторов его приезда и отметил тесные узы, связавшие Россию и Финляндию, славянские и финские племена Севера, образовавшие впоследствии Российскую Империю. Уже в XIII веке православные вожди-финны уведомили св. Александра Невского о проникновении шведских крестоносцев в русские земли, что позволило ему подготовиться к победоносному сражению. Это сражение принесло ему прозвище "Невский". Много веков спустя Российский Император и Великий Князь Финляндский, Александр III, отдыхавший здесь, прославился всемирно как царь мироотворец, окруженный всеобщим уважением. Императрица Мария Феодоровна, датская принцесса Дагмар, всегда любила Финляндию, где она могла говорить на своем родном языке и где пользовалась не раз радушием населения. Следуя примеру своего славного президента, русского генерала Маннергейма, Финляндия была всегда страной антикоммунистической, что и доказала блестяще во время героической зимней кампании 1939—1940 г.

20 июля состоялся торжественный прием почетных гостей в ратуше города Котки с подношением настольного флага с гербом города, а также копии приказа Екатерины Великой адмиралу русской службы, принцу Нассау-Зиген, о постройке фортов вокруг Котки с упоминанием о Суворове, которому следовало передать работы в случае отъезда принца.

Покидая Финляндию после столь трогательного приема, Т. Н. отметил, что ее радушный народ даже после трех кровавых войн с любовью вспоминает время, когда Великое Княжество было частью сильной и миролюбивой православной империи под скипетром русского царя. Это особенно ценно в наше время, когда повсюду возводятся столько злобной и бесстыдной клеветы на все прошлое России и на ее государей.

Напомним, что нам привелось посетить

редкие уголки, где тоже сохраняется память о прошлом России: скромный домик Петра Великого в голландском городке Заандам, где царь обучался кораблестроению, величественные храмы прошлого века в Ницце и Каннах, окруженные улицами, носящими царские имена, а также недавно осмотренный нами в Калифорнии Форт Росс, созданный по указу Павла I для охраны снабжений

Русско-Американской торговой компании. Этот форт, возле Русской Речки, — настоящий музей реликвий от той эпохи, когда наши удалые мореходы открывали новые пути от Сибири до Аляски, приобщая к русскому радушному быту дикие племена американских индейцев, с ними нередко роднившихся. Наша история изобилует таковыми примерами...

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ПИСЬМА ОПТИНСКОГО СТАРЦА МАКАРИЯ

“Письма оптинского старца иеросхимонаха Макария”

Zaria Publishing Co, 73 Biscay Road

London, Ontario, Canada N6H 3K8, цена 25 ам. долларов

Издательство “Заря” проделало отличную работу. Оно выпустило в свет сборник писем оптинского старца иеросхимонаха Макария. Огромный том, почти в 800 страниц, содержит 447 писем старца ко многим лицам, обращавшимся к отцу Макарию за духовной поддержкой или руководством. Письма эти насыщены православной духовностью. Советы, дающиеся старцем, необычайно просты и доступны каждому, независимо от его образования, рода деятельности. Все письма относятся к середине XIX столетия, но актуальность их от этого нисколько не уменьшается. Ведь в них затрагиваются неустаревающие вопросы духовной жизни людей, наглядно свидетельствуя о том, что в мире имеются непреходящие вечные ценности, игнорирование которых приводит и отдельных людей, и целые народы к катастрофическому положению, из которого имеется только один выход: возврат к ним, к этим ценностям.

Все письма старца проникнуты глубокой верой в промысл Божий, на который он уповает, упоает без всяких сомнений и оговорок. А главное, о чем говорит старец, — это путь смирения пред Богом и людьми. “Проходя путь жития, познавайте свою немощь, — пишет старец, — смиряйтесь и приносите Господу покаяние о неисправлении; отнюдь же не полагайте надежды на дела свои, но на милосердие Божие. Правило молитвенное исполняйте по силе, и по возможности своей, более с чувством мытаря, а не фарисея” (Письмо 72). Но, говоря так, старец одновременно предупреждает и о другом, связанном с молитвой. Старец напоминает, что без внутренне-нравственного исправления молитва одна не принесет пользы. В этом случае это уже не молитва, а маска молитвы. Вот об этой маске отец Макарий и говорит, как о достаточно распространенном явлении. Чувствуется по письмам, что процесс расцерковления России, нашедший свое завершение уже в начале XX столетия, начал

развиваться в те дни, когда писались письма оптинского старца. Он уже провидит будущее, но одновременно видит спасение в индивидуальных усилиях верующих, в их молитвенно-покаянном подвиге перед лицом Божиим.

Старец знает, что мир полон скорбей. Но не об избавлении от скорбей заботится он. Его подход совершенно иной. Скорби посылаются по воле Божией для целей, связанных с нашим спасением. Скорби, по его мнению, посылаются прежде всего для того, чтобы проверить человека и очистить его как золото в горниле. “Вы, яко человек, имеете какие-нибудь свои немощи, а скорбями все это очищается; только благодарите Господа, имеющего об вас таковое отеческое попечение и любовь; ибо посылая скорби к очищению, однако не попускает до конца и ниспасть в изнеможение” (Письмо 59).

По мнению старца, святое Писание и описание жизни великих подвижников, а равно многих других, свидетельствует, что получение спасения было связано со скорбями, напастями, лишениями, озлоблениями и “прочими средствами терпкими”, которые отводят сердце наше от любви к этому миру и возводят душу человека к миру иному. Кроме того, как отмечает о. Макарий в 251-м письме, человеку необходимо пройти через различного рода испытания, искушения и скорби, для того, чтобы познать самого себя, увидеть кроющиеся в нем недуги, душевные немощи и различные страсти и чрез скорби и искушения получить в конечном результате исцеление душевное. Все это сложно и трудно и вместе с тем необыкновенно просто и понятно.

Подчеркивая значение смирения в жизни христианина, старец одновременно считает, что “все зло от гордости происходит: а все блага смирением приобретаются! Велика сия добродетель — смирение! И, как драгоценный камень, редко обретается, а паче в нынешнее

бедственное время". И развивает тему о нынешнем бедственном времени, когда "на нас малозначущих восстанут, они даже и на пастырей Церкви дерзают печатно нападать..." Знакомая и совсем не новая для нас картина, подтверждающая все то, что писалось о происхождении нынешних гонений на религию в России.

Книга писем оптинского старца Макария

незаменима для тех, кто ищет духовного освобождения от рабства земных условий жизни. Она будет бесполезна и скучна тем, кто вполне удовлетворен своим существованием в этом далеко не идеальном мире и не ищет ничего лучшего, а равно и не верит в это лучшее. Я бы назвал выпущенное "Зарей" издание "книгой жизни". И это будет верно.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Здравствуйтесь, уважаемая Вера Александровна!

Спасибо за журналы. Прочитал их залпом, в ущерб всем делам. Почерпнул массу положительных впечатлений и информации. Я не литературовед и не берусь судить о его художественности. На мой взгляд, он вполне соответствует своей задаче: антикоммунизм, демократия, восстановление матушки России, население которой прекратило естественное биологическое воспроизводство. Не говоря уже об упадке морально-этического и интеллектуального уровня. Гомо советикус обречен на вымирание. Долг здравомыслящих русских интеллектуалов — поднять русский народ из летаргии, вдохнуть в него веру в себя, в свое человеческое достоинство, как в создание любящего его Господа нашего Иисуса Христа. Коммунистическая доктрина повергла народ во мрак духовного небытия. Надо вывести его на свет Божий, дать ему силы и уверенность в себе, в завтрашнем дне.

Коммунисты, уничтожив физически наиболее здравомыслящих и растлив нравственно сотни миллионов собственных граждан в СССР, пришли к своему логическому концу, социально-политическому и экономическому краху. Мы живем в исторически знаменательный момент. Долг каждого честного русского политика способствовать ликвидации коммунистической охлократии делом, словом и даже непримиримым молчанием. Горбачев и его скудоумная команда, шан-

тажируя общественность мощью военно-промышленного и термоядерного боевого потенциала, надеются, что им кто-либо подскажет приемлемую идею, пытаются "поджентльменски" хоть что-то выскрести у собственной развращенной, гаремной, но бесплодной "интеллигенции", у зарубежных политических и государственных деятелей. Вольному воля. Однако у себя в стране эта шайка разбойников и палачей не имеет никакого авторитета. И только страх, внушаемый десятилетиями, удерживает народ от активных действий. Показная "готовность" подчиняться на деле скрывает апатию, разочарование, а зачастую и прямой массовый саботаж (скрытый и явный), доходящий до прямого неповиновения и забастовок.

Такова реальная обстановка, и ее надо углублять, расширять, нейтрализовать колеблющихся, предостеречь тех, кто хотел бы "погреть руки у бесхозного костра", как, например, "мудрый" Б. Ельцин или выросший на произволе "справедливый важняк" Т. Гдлян. Не следует выбирать лидера из лиц типа: Ленин — Троцкий, Сталин — Киров, Хрущев — Брежнев, Горбачев — Ельцин, это все политически слепая суета. Общая задача состоит в том, чтобы не сотрудничать ни делом, ни духом с агонизирующей кремлевской охлократией. Да поможет нам Бог.

Белов С. Д.

ОТ РЕДАКЦИИ: С. Белов недавно приехал в Германию. В СССР он был репрессирован из-за выступлений за права человека.

УТОЧНЕНИЯ НАСЧЕТ ДАНТЕСА

Мне весьма лестно, что В. Миклашевский прислушался к моим замечаниям по поводу происхождения Дантеса и даже готов задним числом внести поправку в текст своей статьи. К сожалению, и в поправку вкралась досадная ошибка: девичья фамилия матери будущего убийцы Пушкина была не **Гецфельдт**, а **Гатцфельд** (Hatzfeld). Это, конечно, мелочь; но в подобных вопросах желательна

аккуратность: ведь исследованиями Миклашевского будут, возможно, в дальнейшем пользоваться для справок специалисты и дилетанты; зачем же их подводить?

Удивляет меня ссылка на страшно устаревшую книгу П. Щеголева, датирующуюся... 1928-м годом! С тех пор в области **дантесоведения** много воды утекло. Позволю себе рекомендовать вниманию моего почтенного

коллеги две работы: Henri Troyat "Pouchkine" (Paris, 1953) и Владимир Фридкин "Пропавший дневник Пушкина" (Москва, 1987). В этой последней указаны и другие источники. Советовал бы еще ему прочесть и книгу Н. Эйдельмана "Пушкин" (Москва, 1984).

Н.В. В названных трудах подсоветских пушкинистов есть ценные фактические данные; за идеологические их суждения я, понятно, ответственности на себя не беру.

Остановлюсь еще на цитируемых Миклашевским словах Е. Загряжской о помолвке Дантеса с Екатериной Гончаровой "Итак, все концы в воду". Их бы вполне можно толковать в том смысле, что таким путем заматались следы неприличного ухаживания Дантеса за Наталией Николаевной.

Относительно общей характеристики барона

де Геккерна и его приемного сына, я отнюдь не исходил исключительно из тагильской находки и высказываний о них семьи Карамзиных. Наблюдения о них раскиданы во многих воспоминаниях современников, перечислять и комментировать каковые было бы тут немислимо.

Хочу добавить, что в оценке подсоветского литературоведения, включая и пушкиноведение, я, в основном, согласен скорее с Миклашевским, чем с Артамоновой. Не надо, однако, забывать, что люди, писавшие там, находились в цепях и не в силах были говорить свободно. Кое-что теперь начинает налаживаться; а о прошлом подобает судить со снисхождением.

В. Рудинский

ИНФОРМАЦИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы с большим интересом прочли любезно пересланную нам переведенную на русский язык программу польских консерваторов. Мы благодарим их и охотно печатаем в нашем журнале. Со многими пунктами мы согласны, но не со всеми. Так, мы думаем, что известное социальное обеспечение необходимо, особенно для тех, кто впал в нужду без собственной вины. Мы также сомневаемся, что в наше время возможно уничтожение равноправия женщин (желательным мы этого тоже не считаем). В свою организацию консерваторы принимают только мужчин. Мы ограничимся пока только этими беглыми замечаниями и надеемся, что среди наших авторов или читателей найдутся такие, которые захотят проанализировать эту интересную программу.

Вроцлав, 19.01.1990 г.

Уважаемые граждане!

Посылаем вам информацию о действующих в Польше (Нижняя Силезия) организациях: Уния Реальной Политики и Клуб Консерваторов имени Александра гр. Фредро.

УНИЯ РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ЦЕЛИ, ЦЕННОСТИ, ПРИНЦИПЫ

Уния Реальной Политики — это политическое движение, главной целью которого является введение в Польше свободной рыночной экономики. Государственная собственность должна уступить место частной собственности. Конституция должна запретить правительству и парламенту вмешиваться в экономику. Субсидии, дотации, государственные кредиты должны быть отменены.

Социалистическое государство благоденствия, которое и так обанкротилось, необходимо ликвидировать. Наш идеал — человек независимый и не требующий социального обеспечения. Профсоюзы должны работать лишь при условии соблюдения права (неприкосновенность частной собственности, свобода выбора работы, отказ от насилия).

Налоги должны быть снижены и равны для всех (никакой налоговой прогрессии!). Будущее системы образования мы видим в частных школах (это относится также и к высшей школе).

Обязательное и принудительное обучение должно быть отменено.

Возможны школы всех типов с различными программами обучения и с любым языком, на котором ведется преподавание.

Самой лучшей гарантией независимости Польши считаем не декларацию о мире и заверения в дружбе с другими государствами, а сильную модернизированную и технически хорошо оснащенную армию (с дополнительным воинским обучением мужчин по швейцарскому образцу). Это необходимо в современной политико-региональной обстановке. Необходимо политически и идеологически бороться с левыми демагогами, представителями тоталитарной демократии, социальными утопистами, "просвещенными" сторонниками прогресса, всякими друзьями равенства.

Религия создает основу нравственности.

Сильная, здоровая семья является основой государства народа.

Неприкосновенность частной собственности — это основа свободы.

Свобода есть база экономического развития,

многообразия социальной, культурной и духовной жизни.

Уния Реальной Политики выступает против абортов и смертной казни.

ОТНОШЕНИЕ УНИИ РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ К ИДЕЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ

Идею Объединенной Европы категорически отрицаем. Мы не за объединенную, а за свободную Европу. За Европу, в которой отдельные государства сохраняют свою суверенность. Одновременно следует отменить все препятствия в свободе передвижения людей, товаров, имущества, капиталов, а также въездные визы, ограничения права на поселение, таможенные барьеры.

Концепции, разрабатываемые в Брюсселе и Страсбурге, мы считаем очень опасными для свободного и мирного развития Европы. Их цель — это нивелирование и бюрократизация Европы.

КЛУБ КОНСЕРВАТОРОВ им. АЛЕКСАНДРА гр. ФРЕДРО

Клуб Консерваторов возник 1.03.1989 года. Его покровителем является граф Александр Фредро, комедиописец, автор консервативных афоризмов, сатирических стихотворений, который жил в 19-м веке.

Клуб объединяет мужчин старше 23 лет, считающих себя консервативными или людьми правого крыла. В отношении хозяйственных дел — они либералы (священное право собственности, свободный рынок, свободная конкуренция). В области религии, нравственности, политики, культуры — они консерваторы. Целью клуба является, посредством принятия участия в дискуссиях, встречах,

Таким образом осуществляется попытка затормозить свободолобивые устремления в Европе и перевести централизм из национальной плоскости в международную.

Идея "объединенной" Европы имеет целью служить бюрократам, еврократам, различным группам политиков для сохранения и укрепления власти. Стремление к общеевропейскому правительству и совместным вооруженным силам мы считаем утопией не только смешной, но и опасной. Европа нуждается в возвращении рыночной экономики при частной собственности и свободной конкуренции, а также в полной свободе торговли и отказе от государственного интервенционизма и разного рода форм планирования.

Необходим постепенный демонтаж государства всеобщего благоденствия. Каждому человеку должно быть дано право поселиться, жить и работать там, где он хочет и может. Одновременно не должна принадлежать ему никакая социальная помощь. Право убежища должно быть отменено.

докладах, консервативное возрождение, борьба с левой идеологией, социальными утопистами, нравственным релятивизмом, противостояние коварному подрыву основ "доброго общества".

Члены клуба скептически относятся к демократической идеологии, некоторые из них — монархисты.

Председатель Клуба

Aleksander Popiel
54-317 Wroclaw
ul. Majakowskiego 14/9
Polska

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ

В Москве 11 февраля состоялся вечер памяти русского писателя и философа Дмитрия Панина. Накануне "Вечерняя Москва" на первой полосе писала: "Созидатели и разрушители" — так по одной из работ писателя будет называться вечер его памяти в ЦДЛ... Еще одно отторгнутое от русской культуры имя возвращается к нам".

Большой зал дома литераторов был заполнен сотнями людей. В фойе была выставка, на которой были представлены работы Панина. Более трехсот его книг были немедленно распроданы и вдова писателя, прилетевшая по приглашению Союза советских писателей из Парижа для участия в вечере, пожертвовала все деньги Воскресенскому храму в Иванове.

На вечере присутствовали друзья писателя

по ссылке и по последней работе в Москве после освобождения из Гулага. Вечер открыл писатель Вячеслав Кондратьев, начертавший путь одного из представителей русской интеллигенции, не могущего не попасть под пресс безбожной власти, с которой он боролся всю свою жизнь. Выступавшие рассказали о его христианской философии, о Теории густот, объясняющей, с позиций физика конца века, создание миров их Творцом, и о Дополнении к ней: Постулаты марксизма и законы природы, Политэкономия на основе закона сохранения энергии, противостоящая мертвым понятиям марковского Капитала, и Тщета безбожия. На вечере был прочитан отрывок из его лагерных записок о чудодейственном исцелении его в лагере и об обете, данном

им Богу — всю дальнейшую жизнь посвятить освобождению своего отечества.

Посол Швейцарии в Москве пожелал бурлящей России обрести "нерушимый покой" души Дмитрия Панина. Один из организаторов вечера, журналист Феликс Медведев, заклю-

чил: "Много лет Россия жила тяжело, больно, заскорузло. Сейчас ей будет легче. О Панине вспомнили, Панина начинают издавать. Панин возвращается домой. Возвращается пророком в свое отечество".

ОТ РЕДАКЦИИ: Вечер в память Д. М. Панина состоялся 11 февраля, ровно в день рождения автора. Ему исполнилось бы 79 лет. К сожалению, он не дожил до личного возвращения, но его произведения, его дух вернулся на родину. Из устроителей вечера никто не знал, что 11 февраля — день рождения автора. Совпадение представляется providенциальным.

Момент избрания В. Н. Осипова в руководящий орган Народного фронта России, Координационный совет; Ярославль, 22 окт. 1989 г.

Группа делегатов христианско-патриотических организаций на съезде Народного фронта России, 22 окт. 1989 г.; В. Н. Осипов — второй слева.

При восстановлении храма в г. Гдове, близ Пскова, обнаружены останки жертв коммунистического террора при Сталине (все черепа с пулевыми отверстиями). Момент перехоронения по православному обряду при участии местного населения. Подобные перехоронения происходят в настоящее время во многих местах страны.

**В издательстве "Третья волна" вышла из печати книга
Д. Штурман
"ГОРОДУ И МИРУ"**

— анализ публицистики А. И. Солженицына, 432 стр.

В книге проанализированы публицистические выступления Солженицына до его изгнания из СССР и после него, его отношение к социализму, коммунизму и демократии, к Западу, к будущему своей страны и мира, его позиция в национальном вопросе, его взаимоотношения с некоторыми течениями диссидентства.

Книгу можно заказать по следующим адресам: 1) Mr. Alexandre Glezer (c/o Marie-Therese de Foras) 215, rue du Faubourg St. Honore, 75008 Paris, France; 2) Mr. Alexandre Glezer, 286 Barrow Str, Jersey City, N. Y. 07302, USA

Цена книги 25 долларов

8 февраля в больнице г. Буффало, Нью-Йорк
после месячных страданий покинул мир
в возрасте 86 лет соловчанин

**МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
РОЗАНОВ**

о чем в неутешном горе сообщают жена **МАРИЯ**
и сыновья **НИКИ** и **ЖОРЖ**.
Похороны на семейном участке кладбища Св. Матфея.

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

